Х. ЧОЙБАЛСАН

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

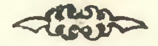

Цена 1 р. 30 к.

Х. ЧОЙБАЛСАН

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЕРЕВОД С МОНГОЛЬСКОГО

И*Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва. 1952

Х. ЧОЙБАЛСАН

МОНГОЛЫН ХУВЬСГАЛЫН ТУУХ

УЛААНБААТАР

1950

Х. ЧОЙБАЛСАН

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Настоящая работа покойного маршала Чойбалсана представляет собой краткий очерк истории монгольской народной революции, в результате которой монгольский народ под руководством народно-революционной партии сбросил власть феодалов и иноземных колонизаторов и встал на путь строительства народно-демократического государства.

Борясь за свободу и независимость монгольского народа, маршал Чойбалсан вместе со своим старшим другом, героем монгольского народа Сухэ-Батором, опираясь на поддержку и помощь Советской России, организовали и подняли народные массы на борьбу, закончившуюся победой над иноземными поработителями и монгольскими светскими и духовными феодалами.

В своей книге маршал Чойбалсан показывает, как в период монгольской народной революции выковывалась великая дружба монгольского и советского народов, являющаяся прочной гарантией свободы и независимости Монгольской Народной Республики.

Незабвенному основателю Монгольской народно-революционной партии, вождю народной революции, герою монгольского народа товарищу Сухэ-Батору, а также цирикам, командирам и политработникам, павшим в боях за освобождение трудящихся Монголии, автор посвящает свой скромный труд.

ВВЕДЕНИЕ

> Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания.
>
> И. В. СТАЛИН.

Монгольский народ, в течение столетий жестоко угнетавшийся духовной и светской знатью своей страны, а также иностранными капиталистами, под влиянием Великой Октябрьской революции в России поднял знамя революционно-освободительной борьбы. Великая пролетарская революция не только освободила народы царской России от гнета капиталистов и помещиков, но и вызвала мощный подъем революционного движения во всем мире. Победа пролетариата в России вдохновила на борьбу монгольский народ, не раз поднимавшийся против своих угнетателей, и указала ему путь к освобождению. Из искры революционной борьбы, тлевшей в Монголии, разгорелось пламя народной революции.

После падения в Китае в 1911 г. Дайцинской (маньчжурской) династии духовные и светские феодалы Монголии начали под лозунгом установления независимости борьбу за укрепление и расширение своих феодальных прав, используя в этих целях национально-освободительное движение монгольского народа. Владетельные

феодалы в 1911 г. послали в Россию депутацию из монгольских князей с просьбой оказать помощь в установлении независимости Монголии.

Благодаря поддержке России в год беловатой свиньи 9 числа первого зимнего месяца (16 декабря 1911 г.) Монголия была объявлена независимым государством, а глава ламаистской церкви богдо-гэтэн был провозглашен неограниченным монархом [1].

Богдо-гэгэн, стремясь создать обширное монгольское государство, обратился ко всем монгольским племенам с призывом к объединению.

Но это объединение не входило в расчеты царской России и китайских милитаристов. После длительных переговоров в мае 1915 г. было заключено тройственное русско-китайско-монгольское соглашение, по которому за Внешней Монголией (в составе Халхи и Дюрбетии) была признана автономия. Китайские милитаристы и после этого не прекращали своих посягательств на независимость Монголии, но, связанные условиями тройственного соглашения, воздерживались от решительных действий. Октябрьская революция положила конец колониальной политике царского правительства и аннулировала все неравноправные договоры. Однако китайские милитаристы, подстрекаемые японскими и другими империалистами, воспользовавшись тем, что внимание правительства молодой Советской республики было поглощено разгоревшейся в России гражданской войной, вновь протянули свои лапы к Монголии.

---

[1] Богдо-гэгэн стал ханом Внешней Монголии и принял титул «многими возведенный». В связи с этим с 1911 г. в Монголии было установлено новое летоисчисление, по которому годы правления богдо-гэгэна стали называться годами «многими возведенного». — *Прим. ред.*

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ МОНГОЛИИ В ПЕРИОД АВТОНОМИИ

Хотя Монголия добилась государственной автономии, тем не менее она оставалась в экономической зависимосги от иностранного капитала.

Вся торговля Монголии находилась в руках китайских и русских купцов. Разработки богатых месторождений золота были сданы в концессию иностранным капиталистам. Для покрытия внутригосударственных расходов и содержания армии правительство Монголии было вынуждено обращаться за помощью к царской России, брать под высокие проценты займы у русских банков и торговых фирм. К 1917 г. долг Монголии царской России достигал 5 млн. рублей.

В период автономии Монголия делилась на 7 административных единиц: 4 халхаских аймака, 2 дюрбетских аймака и шабинское (монастырское) ведомство. Население шабинского ведомства (шабинцы) составляли те араты халхаских аймаков, которые были переданы богдогэгэну и являлись его крепостными. Шабинцы пользовались особыми правами и привилегиями: они освобождались от воинской, уртонной [1], гужевой и других государственных повинностей, вся тяжесть которых ложилась на население халхаских аймаков. В период автономии особые права и привилегии духовных феодалов и шабинского ведомства значительно расширились. Для увеличения доходов монастырей и высших лам население аймаков принудительно переводилось в шабинское ведомство.

---

[1] Почтово-курьерская повинность, одна из наиболее тяжелых повинностей дореволюционной Монголии. — *Прим. ред.*

На этой почве возник острый конфликт между халхаскими аймаками и шабинским ведомством. Вражда разгорелась не только между светскими и духовными феодалами, но и между аратами аймаков и шабинцами. Этот разлад внутри страны способствовал впоследствии ликвидации национальной автономии Монголии.

Светским и духовным правителем Монголии являлся богдо-гэгэн. Это было время, когда все население Монголии, за исключением небольшой группы свободомыслящих, глубоко и безотчетно верило богдо и высшим ламам.

Богдо-гэгэна — этого пьяницу и развратника, тратившего сотни тысяч лан[1] народных денег, послушную игрушку в руках высших лам, а впоследствии китайских милитаристов и белогвардейца Унгерна — ламы причислили к лику святых «лам-спасителей», а араты чтили как живого бога.

Религиозный дурман иссушал разум и подавлял природный воинственный дух некогда смелых и отважных монголов.

В период автономии наряду с усилением власти богдо расширились права и его приближенных — хутухт, хубилганов, хамбо-лам, цоржи[2] и прочих представителей теократической власти. Все они жестоко угнетали и эксплуатировали массы аратов, выколачивая средства для пополнения государственной казны и своих собственных карманов.

Для того чтобы дать представление о степени эксплуатации аратов духовными феодалами, приводим наиболее крупные подати, взимавшиеся с населения аймаков и шабинского ведомства в казну богдо-гэгэна.

1. На содержание богдо-гэгэна и его жены ежегодно выделялось 36 тыс. лан.

2. Ежегодно в летнее время богдо, как «духовному учителю», преподносился даншиг[3] в 10 тыс. лан, взимавшийся с населения халхаских аймаков и шабинцев.

3. Аймаки и шабинцы ежегодно по очереди подносили богдо-гэгэну мандал[4] в 100 лан. Кроме того, на нужды

[1] Лан — денежная единица, приблизительно равная 2 руб. — *Прим. ред.*

[2] Различные саны крупных духовных феодалов. — *Прим. ред.*

[3] Даншиг — ежегодные подношения богдо-гэгэну и крупным церковным феодалам. — *Прим. ред.*

[4] Мандал — подарок. — *Прим. ред.*

казны, на жертвоприношения, на жалованье хамбо, цоржи, шанзотбам и другим высшим ламам, на выпас их стад, на содержание их дворов, на религиозные нужды центральных храмов ургинского монастыря, на содержание лам этого монастыря с населения аймаков и шабинского ведомства взимались сотни тысяч лан.

Богдо и его свита имели в своем распоряжении по несколько сот личных слуг. Аймаки и шабинское ведомство должны были поставлять сотни лошадей для обслуживания богдо и его свиты.

Личный бюджет богдо составлял более 900 тыс. лан. Но этой суммой далеко не исчерпывались его непомерные расходы. Богдо прибегал к займам. Его долг русским и китайским торговым фирмам достигал нескольких десятков тысяч рублей. Расплачиваться же за эти долги приходилось аратам.

Ниже богдо-гэгэна на социальной лестнице стояли 7 крупных хутухт и высшие ламы аймаков. За ними следовали тысячи мелких хутухт и хубилганов. Крупные хутухты имели личные владения, население которых находилось в крепостной зависимости и было обязано вносить определенную сумму денег и поставлять своему господину все необходимое для его личных нужд и религиозных обрядов. Каждый хутухта только одними деньгами собирал в среднем ежегодно от 7 тыс. до 13 тыс. лан. Высшие ламы получали, кроме того, значительные доходы от подношений населения за отправление религиозных обрядов.

Население аймаков находилось в еще более тяжелом положении, чем шабинцы, так как, кроме духовенства, оно должно было содержать еще князей и других светских феодалов. Каждый из 4 аймаков имел своего хана, председателя аймачного сейма, хошунных цзасаков [1] и других феодалов. Каждый феодал владел уделом и имел крепостных.

Феодал был полным властелином у себя в аймаке или в хошуне; он выколачивал из аратства огромные средства для своих личных нужд. Размеры податей, взимаемых феодалами, не были ограничены какими-либо законами. Подати шли на личное содержание феодала (питание, одежду, приобретение драгоценностей, дорогих

---

[1] Цзасак — владетельный князь. — *Прим. ред.*

верховых лошадей, экипажей и паланкинов), на устройство пиршеств, надомов[1], богослужений, на содержание придворной челяди, на подношение даров богдо и т. п. В период автономии особенно возросли суммы податей, предназначавшихся для подарков богдо, поскольку титул и привилегии предоставлялись тому или иному феодалу в зависимости от ценности поднесенного им подарка.

Феодалы широко пользовались бесплатным трудом аратов: одни араты в качестве личных слуг обслуживали самого феодала и его жену, другие пасли его стада, третьи отбывали уртонную повинность.

Богатства феодалов увеличивались за счет разорения аратства. Стада феодалов разрастались до многих десятков тысяч голов. Эти стада паслись на лучших пастбищах. Феодал не облагался никакими государственными податями и не нес никаких повинностей.

Владетельные князья и крупные тайжи[2] брали займы у китайских и других торговых фирм и перекладывали их бремя на плечи крепостных аратов. Целый ряд хошунов[3] вплоть до образования народной власти находился в кабале у иностранных купцов и ростовщиков. Народное богатство, расхищаемое монгольскими феодалами, перекачивалось в карманы иностранных капиталистов. Только после установления народной власти особым государственным актом были аннулированы все долги иностранным капиталистам, конфисковано имущество феодалов и возвращено народу награбленное у него добро.

Наряду с крупными феодалами аратов эксплуатировали чиновники и тайжи. Они также не только были освобождены от податей, общегосударственных налогов и поставок продовольствия для армии, но под различными предлогами использовали бесплатный труд аратов.

Задавленный жесточайшей эксплуатацией монгольский народ влачил полуголодное существование и был обречен на вымирание.

К концу 1919 г., когда на плечи народа легла тяжесть жестокого оккупационного режима, положение аратства еще более ухудшилось.

---

[1] Надом — праздник. — *Прим. ред.*

[2] Тайжи — дворяне, невладетельные феодалы. — *Прим. ред.*

[3] Хошун — административная единица, уезд. — *Прим. ред.*

ЛИКВИДАЦИЯ АВТОНОМИИ МОНГОЛИИ

В начале 1919 г. китайские милитаристы через своего сановника в Урге Чен И начали тайные переговоры с князьями и высшими ламами, предлагая им отказаться от автономии и присоединиться к Срединной республике[1]. Эти предложения носили ультимативный характер. Их отклонение могло бы привести к войне между Монголией и Китаем.

Чен И предлагал заключить соглашение, предусматривавшее сохранение за богдо-гэгэном всех прав и привилегий, а также повышение званий, титулов и даже увеличение жалованья феодально-теократической знати.

Япония была также непрочь захватить такой лакомый кусок, каким являлась Монголия, обладающая огромными природными богатствами. Для осуществления своих агрессивных целей японские захватчики прибегли к обману аратских масс, не раз поднимавшихся на борьбу за национальную независимость еще во времена маньчжурского владычества. Японские империалисты выступили с лозунгом создания «Великой Монголии», которая должна была объединить все монгольские племена под эгидой империалистической Японии.

В качестве организатора панмонгольской авантюры японская военщина выдвинула бежавшего от русской революции белогвардейского атамана Семенова, вокруг которого группировались белогвардейские банды и бурятские националисты.

---

[1] Срединная республика — так стали называть Китай после свержения в 1911 г. Дайцинской (маньчжурской) династии и провозглашения республики. — *Прим. ред.*

На станции Даурия Забайкальской железной дороги из этих отбросов человечества было создано так называемое даурское правительство. Это правительство отправило делегацию в Монголию с предложением присоединиться к панмонгольскому движению.

Этот вопрос был поставлен на обсуждение верхней и нижней палат[1]. Большинство обеих палат высказалось против предложения даурского правительства.

Крупные феодалы Внешней Монголии, в чьих руках находилась государственная власть, опасались ущемления своих феодальных прав и привилегий и стояли за китайскую ориентацию.

Часть мелких феодалов и представителей чиновничества, входящих в правительство, настаивала на проведении ряда мероприятий по укреплению обороны страны. Они предлагали провести мобилизацию среди аратов хошунов и шабинского ведомства, собрать со всего населения средства на оборону страны и единодушно подняться на защиту национальной независимости Монголии. Но крупные феодалы не могли с этим согласиться. Особенно резко выступали против этого предложения высшие ламы, которые были готовы отдать родину кому угодно, лишь бы спасти свой монастырский кошелек. Высших лам поддерживал богдо. Более того, он освободил шабинское ведомство от налогов на содержание армии. Хошунные князья и чиновники, считая несправедливым такое решение богдо, отказались проводить мобилизацию цириков в своих хошунах и аймаках и платить военные налоги.

Высшие ламы и крупнейшие князья, во главе которых стоял шанзотба[2] Бадма-даржа[3], без ведома верхней и нижней палат приняли предложение ставленника китайских милитаристов Чен И, а вечно пьянствующий богдо, равнодушный к судьбам своей страны, был согласен отдать в рабство монгольский народ кому угодно, лишь бы сохранить свое привилегированное положение.

---

[1] Подобие парламента при правительстве богдо-гэгэна, куда входили князья и феодальные чиновники; обе палаты имели совещательный характер. — *Прим. ред.*

[2] Шанзотба — духовная административная должность при богдо-гэгэне и крупных церковных феодалах. — *Прим. ред.*

[3] Шанзотба Бадма-даржа — крупнейший теократ, ярый реакционер. В 1919 г. занимал пост премьер-министра. Активный пособник ликвидации автономии Монголии. — *Прим. ред.*

Опасаясь народного волнения, Чен И и феодальное правительство Монголии решили действовать хитростью. Под предлогом защиты Монголии от революционного влияния со стороны России и якобы для охраны Монголии от посягательств даурского правительства в Ургу, Кяхту и другие города страны были введены войска китайских милитаристов. Таким образом, судьба Монголии фактически была отдана в руки иностранным захватчикам.

В конце 1919 г. в Ургу в сопровождении войск прибыл генерал Сюй Шу-чжен (один из лидеров прояпонской аньфуистской клики китайских милитаристов). Сюй Шу-чжен заявил монгольскому правительству, что он как начальник по устройству северо-западной окраины Срединного государства уполномочен решить вопрос об автономии Монголии. Угрожая военной силой, Сюй Шу-чжен потребовал подать ему петицию о безоговорочном и «добровольном» отказе от автономии. При этом он сам предложил условия ликвидации автономии.

Эти условия были насквозь лицемерны. Они предусматривали: «процветание желтой религии», «увеличение народонаселения», «развитие торговли», «развитие скотоводства», «разработку полезных ископаемых» и т. п. При этом он заявил, что эти условия будут лежать в основе его деятельности как начальника по устройству северо-западной окраины и он отныне является верховным правителем Монголии.

Автономия Монголии была упразднена в течение одного дня. Страна была объявлена частью Срединной республики, и вся власть в стране перешла в руки начальника Главного управления по делам Северо-Западного края Китайской Республики.

Ликвидация автономии вызвала недовольство в монгольском народе и армии. В то время Монголия располагала хотя и малочисленной, но храброй и стойкой армией. Эта армия могла быть пополнена за счет мобилизации молодежи аймаков. Трусливые князья и ламы, продавшие Монголию иностранным захватчикам, не сумевшие и не пытавшиеся даже отстоять независимость страны, имели все возможности вести успешную оборонительную войну и сохранить автономию Монголии. Лица, занимавшие низшие командные должности в армии, и рядовые

цирики были готовы к решительным действиям. Но феодально-теократическая знать, боясь утратить свои права и привилегии, прельстившись обещаниями захватчиков, безоговорочно и позорно передала власть над монгольским народом в руки китайских милитаристов.

Сделавшись хозяевами страны, оккупанты установили в Монголии режим насилия и террора, беззастенчиво грабили население, насиловали женщин и девушек.

Светские и духовные феодалы (за исключением тех, кто содействовал ликвидации автономии Монголии и получил за это награду от китайских реакционеров), видя, что страна вновь попала в рабство иностранным захватчикам, начали искать путей восстановления автономии и решили обратиться за помощью к другим государствам. Образовались две группировки, по-разному решившие этот вопрос.

Одна часть крупных феодалов решила обратиться за помощью к Америке. Через проживавшего в то время в Урге представителя американской фирмы Ларсена они послали петицию американскому правительству с просьбой оказать помощь в восстановлении автономии Монголии. Другая же часть феодалов решила обратиться за помощью к Японии и к бандам белогвардейцев, орудовавшим совместно с японцами. В Японию был послан князь Рагча-гун с письмом за подписью богдо. Но ответа не последовало.

2 числа средней зимней луны 1920 г. (январь 1920 г.) состоялась церемония по случаю ликвидации автономии Монголии.

Утром назначенного дня от Зеленого дворца[1] до хурдэ[2], стоящего перед Их-Хурэ[3], были выстроены монгольские цирики, а в юго-восточном направлении до самых центральных ворот дворца богдо стояли в две шеренги китайские солдаты в полном вооружении.

После трехкратного салюта из орудия богдо-хан со своей свитой и придворной гвардией выехал из дворца и двинулся между строем монгольских цириков. Поравняв-

[1] Дворец богдо-гэгэна, в 3 *км* к югу от Урги. — *Прим. ред.*

[2] Хурдэ — вертикально установленный барабан со сложенными в нем текстами молитв. Каждый верующий монгол, подходя к монастырю, поворачивал этот барабан. — *Прим. ред.*

[3] Главный монастырь в Урге. — *Прим. ред.*

шись с шеренгами китайских солдат, он не поехал, как обычно, по направлению к центральным воротам, а, повернув налево и пройдя через строй китайских солдат, вошел во дворец через боковые ворота. После этого на автомобиле, украшенном разноцветными знаменами и флагами, с музыкой проехал Сюй Шу-чжен. Подъехав к центральным воротам Желтого дворца [1], он вышел из автомобиля и, приказав нести портрет китайского президента на паланкинах, вошел во дворец через главные ворота.

Над южными воротами дворца развевались расположенные крест на крест китайские пятицветные флаги.

Даже самому богдо-хану было не по себе, особенно потому, что монгольские цирики были оставлены вне черты города, а китайские солдаты стояли вплоть до ворот дворца.

Сюй Шу-чжен, войдя в центральный дворец, приказал поставить портрет президента Срединной республики на центральный престол и сам встал с ним рядом. Затем, руководя церемониалом, предложил богдо-хану три раза поклониться портрету и только после этого передал ему печать и прочие атрибуты власти, присланные президентом. Вслед за этим состоялась церемония поклона портрету президента со стороны монгольских князей и чиновников.

Вся эта унизительная церемония, подчеркивавшая, что монгольский народ стал рабом китайской военщины, глубоко оскорбляла национальные и религиозные чувства народа. Ненависть к поработителям росла в душе каждого монгола.

На следующий день здания министерств были опечатаны и у дверей каждого из них поставлена вооруженная охрана из китайских солдат. Вся власть в стране перешла в руки наймита японского империализма генерала Сюй Шу-чжена. Был отдан приказ о расформировании и демобилизации всех монгольских воинских частей. Только при богдо-хане было оставлено около 60 цириков в качестве его телохранителей.

---

[1] Дворец богдо-гэгэна в центре Урги. — *Прим. ред.*

ЗАРОЖДЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КРУЖКОВ

Возмущение и негодование охватило весь народ. Но среди различных слоев монгольского общества не было единства политических взглядов. Одни стремились к национальному освобождению страны и возведению богдо на трон монарха автономной Внешней Монголии. Другие (наиболее сознательная часть аратства) мечтали не только о национальном, но и о социальном освобождении народа. В обстановке всеобщего недовольства народных масс, в обстановке разгула террора китайской военщины возникли первые революционные кружки, положившие начало созданию Монгольской народно-революционной партии. Организатором одного из кружков в Урге был вождь монгольской народной революции Сухэ-Батор. Другим кружком, созданным также в Урге, руководил Чойбалсан. Вдохновленные великим примером Октябрьской революции, указавшей всему миру пути к освобождению от власти эксплуататоров, члены этих кружков развернули свою революционную деятельность. Стремясь к национальному и социальному освобождению народных масс Монголии, они решили обратиться за помощью к своему северному соседу — к великой Советской стране. Они были уверены, что именно Советская Россия, страна трудящихся, поможет монгольскому народу освободиться от колониального гнета. И они не ошиблись. В лице Советской республики они нашли искреннего друга, оказавшего им необходимую помощь.

Самым пламенным революционером, деятельным и энергичным организатором революционных кружков был Сухэ-Батор. Сын арата-бедняка, он с малых лет работал батраком, а когда подрос — находился на уртонной

службе. Отличаясь недюжинным умом и любознательностью, он самостоятельно обучился грамоте. Во время своей службы в армии Сухэ-Батор прекрасно овладел военным мастерством. За меткую стрельбу, силу и ловкость он получил прозвище «гоймин» (ловкий). За проявленные геройство и храбрость в Тамсак-Булакских боях в период автономии Сухэ-Батора прозвали богатырем, и с тех пор за ним укрепилось прозвище «гоймин-богатырь». В период оккупации страны китайскими милитаристами он работал наборщиком в китайско-монгольской типографии. Видя как оккупанты разоряют родную страну, Сухэ-Батор искал выхода из создавшегося положения. Убедившись в том, что он не одинок, что есть люди, также жаждавшие освобождения своей страны от колониального рабства, Сухэ-Батор организовал из них первый кружок свободомыслящих. На собраниях кружка обсуждались пути восстановления автономии и освобождения народа. На одном из собраний кружка было решено написать листовку, призывающую монгольский народ к борьбе против китайских милитаристов. Листовка была написана в нескольких экземплярах и расклеена на воротах бывшего министерства внутренних дел, на заборе штаба командующего китайскими войсками в Монголии, на хурдэ, а также в общественных местах города.

Появление этих воззваний вызвало тревогу среди оккупантов. Для поимки виновных в распространении этих воззваний повсюду были разосланы сыщики, шпионы. В такой обстановке революционерам приходилось соблюдать строгую конспирацию.

По поручению своего кружка Сухэ-Батор выехал в Кяхту, чтобы узнать о положении в России и начать переговоры с представителями Советской власти об оказании помощи. Однако ему не удалось перейти границу.

Кружок Сухэ-Батора дважды подавал петицию богдо, в которой настаивал на необходимости обратиться за помощью к Советской России, но каждый раз получал ответ: «Пока воздержаться».

Узнав о существовании кружка Сухэ-Батора, Чойбалсан и его товарищи решили установить с ним связь и в дальнейшем вести работу совместно.

Эти первые революционные кружки были связаны с русскими революционерами, проживавшими в Урге,

Кучеренко, Гембаржевским и др. Кучеренко работал механиком в русско-монгольской типографии. Он много рассказывал членам кружков о Великой Октябрьской революции, о том, что Советская власть принесла полную свободу прежде угнетенным малым народам царской России, что русский пролетариат, взяв власть в свои руки, аннулировал все царские неравноправные договоры с малыми народами и готов помочь им в их освободительной борьбе. Благодаря Кучеренко и Гембаржевскому члены революционных кружков были хорошо осведомлены о положении дел в России.

Так уже с первых дней своего зарождения Монгольская народно-революционная партия была тесно связана с русскими революционерами, повседневно помогавшими в ее работе и отдавшими свою жизнь за дело монгольского народа.

На одном из совместных собраний обоих кружков Сухэ-Батор предложил еще раз попытаться установить связь с Советской Россией. На этом же собрании Сухэ-Батор призвал собравшихся развернуть работу по сбору оружия, необходимого для организации вооруженного восстания. Было принято решение захватить оружие в монгольском арсенале до того, как он будет сдан войскам Сюй Шу-чжена. Принимая это решение, Сухэ-Батор и его товарищи рассчитывали на помощь монгольской армии, ненавидящей оккупантов. Но осуществить этот план не удалось. На следующий день у оружейных складов была выставлена многочисленная охрана. Нужно было искать других способов приобретения оружия. Вскоре другой способ был найден. Как раз в это время начался большой приток русских белогвардейцев в Монголию. По приказу китайских властей у белогвардейцев отбиралось имевшееся при них оружие, поэтому они охотно продавали его. Члены революционных кружков использовали это для приобретения оружия. Конечно, все эти операции по покупке оружия производились с соблюдением необходимых предосторожностей. Вскоре члены революционных кружков уже располагали ручными гранатами и несколькими револьверами. Одновременно члены кружков вели агитацию среди народа, а также старались привлечь на свою сторону часть князей, стремившихся к национальной независимости Монголии.

После ликвидации автономии произвол и террор китайских милитаристов стал еще более ожесточенным. Для усиления военного режима в Монголии Сюй Шу-чжен пополнил армию за счет мобилизации китайцев-ремесленников и земледельцев, живущих в Монголии. Армия Сюй Шу-чжена, насчитывавшая несколько тысяч человек, была размещена во всех важнейших населенных пунктах Монголии.

Наряду с усилением террора Сюй Шу-чжен, следуя принципу «разделяй и властвуй», старался создать себе опору в лице верхушки феодально-теократической знати, щедро раздавая звания, титулы и привилегии. И в то же время Сюй Шу-чжен, пытаясь ослабить недовольство аратства, выпустил на монгольском языке немало обращений к народу, в которых давал обещание «развивать желтую религию», «увеличить численность монгольского населения» и т. п.

Перед членами революционных кружков стояли ответственные задачи. Теперь нельзя было продолжать работу разрозненными группами, так как распыление сил и отсутствие единства могло привести к серьезным ошибкам и даже срыву всей революционной работы. Необходимо было укрепить дисциплину среди членов революционных кружков и строго соблюдать конспирацию.

От членов кружков требовалась беззаветная преданность делу революции. На одном из собраний кружков было решено создать единую партийную организацию и принять помещаемую ниже партийную присягу, которая являлась в то время уставом и программой партии.

«ПРИСЯГА

Статья 1. Цели Народной партии [1] Внешней Монголии: очистить страну от лютых врагов, вредящих делу нации и религии. Вернуть утраченные Монголией права, укрепить государство и религию, непреклонно защищать монгольскую нацию, пересмотреть и изменить внутреннюю политику страны, всемерно заботясь об интересах аратских масс, защищать их права и положить конец

[1] До 1922 г. Монгольская народно-революционная партия называлась Монгольской Народной партией. — *Прим. ред.*

страданиям трудящихся масс и угнетению человека человеком.

Статья 2. Каждый член Народной партии должен не щадя своей жизни и имущества бороться за дело партии. В случае потери личного имущества оно будет возмещено.

Статья 3. Члены партии должны быть стойкими и честно выполнять поручения партии. Они не должны пренебрегать делом партии ради своих личных интересов, а также обманывать партию, допускать ложь и фальсификацию.

Статья 4. Члены партии не должны разглашать партийные тайны или раскрывать врагам имена партийных товарищей и тем самым наносить вред партии, подрывать ее силы. В том случае, если член партии, совершивший такой проступок, признает свою вину, он должен покончить жизнь самоубийством. Если же виновный не сознается и будет пытаться защищаться, остальные члены партии должны убить его и тем самым сохранить верность присяге и твердость дисциплины.

Статья 5. Если кто-либо из членов партии будет схвачен врагами, он должен не выдавать своих товарищей, не говорить ничего о делах партии и скорее умереть, чем стать предателем. В свою очередь, находящиеся на свободе члены партии не должны щадить своей жизни для спасения арестованных товарищей.

Статья 6. Лица, вступившие в Народную партию, должны действовать сплоченно и единодушно и до конца бороться за интересы аратских масс; должны стремиться улучшить их тяжелое положение и всеми силами пресекать мероприятия властей, направленные во вред народу.

Статья 7. Бороться против лиц, причиняющих страдания народу, наносящих вред политике Народной партии в целом, а также отдельным ее членам.

Статья 8. Каждый человек, вступивший в члены партии, обязан привлечь в ее ряды не менее 10 человек и, образовав из них ячейку партии, руководить ею. При этом политика партии и ее указания должны проводиться везде одинаково, без каких-либо отклонений.

Статья 9. В том случае, если в ряды партии проберутся чуждые элементы с провокационными целями или с целью подрыва партии изнутри, то такие люди должны

изгоняться из партии и их имена должны быть сообщены всем членам партии для того, чтобы они проявляли бдительность и принимали меры по обезвреживанию чуждых элементов».

На этом же собрании решено было выделить делегата для поездки в Советскую Россию. Жребий пал на Чойбалсана. Через несколько дней в Консульском поселке[1] состоялось еще одно собрание, на котором была утверждена предложенная Сухэ-Батором печать партии. Кроме того, для секретных сношений с делегатом, отправляемым в Советскую Россию, был разработан и утвержден телеграфный шифр. В связи с тем, что подпольные собрания партии было опасно проводить в городе, переполненном оккупантами, шпиками и феодалами, решили устраивать собрания подальше от города, в юрте на берегу реки Толы, собираясь под видом людей, пасущих лошадей или совершающих прогулки.

---

[1] Поселок, расположенный в 2 *км* от Урги, где находилось русское консульство. — *Прим. ред.*

ПОЕЗДКА ДЕЛЕГАЦИИ В СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

Перед отъездом в Москву Чойбалсан получил от Сухэ-Батора следующие указания: держать в строжайшем секрете свой отъезд из Урги; соблюдать осторожность в пути; пробраться через границу в районе монгольской Кяхты; прибыв в Верхнеудинск, срочно сообщить в Ургу о переходе границы; для связи с Ургой пользоваться шифрованными телеграммами.

Вечером 13 числа средней летней луны (июнь 1920 г.) Чойбалсан выехал из Урги. Чтобы избежать возможной слежки и запутать следы, он долго петлял по окрестностям города и только спустя некоторое время, преодолев перевал, выехал на тракт Урга — Кяхта. Пять дней пути прошли благополучно. На шестой день Чойбалсан был у границы. Поднимаясь по склону горы, он увидел китайский пограничный пост. Зная, что эта встреча не сулит ему ничего хорошего, Чойбалсан повернул на запад и углубился в лес. Вскоре быстро мчавшийся конь вынес его на другую сторону границы. Первое препятствие было преодолено.

В то время Верхнеудинск (нынешний Улан-Удэ) находился на территории Дальневосточной Республики (ДВР). Город был переполнен иностранными шпионами и белогвардейцами. Правительство ДВР, к которому обратился Чойбалсан, отнеслось к нему не с полным доверием. Видя это, Чойбалсан послал Сухэ-Батору следующую телеграмму: «Наши торговые дела идут хорошо. Почему задерживается выезд остальных. Напоминаю, что необходимо привезти подарок от богдо» (слова «торговые дела идут хорошо» означали, что все пока идет благополучно,

под «подарком от богдо» имелось в виду письмо к советскому правительству с печатью богдо-гэгэна).

Однако получить письмо с печатью богдо было не легким делом. Нужно было найти среди приближенных богдо сочувствующего делу партии человека, который доложил бы богдо о письме и сумел бы уговорить его приложить печать. Причем все это нужно было сделать очень осторожно, чтобы сановники и ламы, поддерживающие иностранных захватчиков, не узнали об этом. В конце концов партия решила действовать через Дуйнхурийн да-ламу Пунцук-доржи. Партия остановила свой выбор на нем потому, что он был одним из тех, кого новые власти обошли чином и жалованьем, и поэтому был крайне недоволен установленным режимом. Пунцук-доржи согласился доложить богдо о письме. И вскоре письмо с печатью богдо было получено.

Полная беспринципность «многими возведенного» богдо-гэгэна особенно ярко подтверждается фактом одновременного подписания писем о помощи трем различным государствам — Японии, Америке и Советской России.

Чтобы письмо не попало в руки оккупантов в случае неудачи перехода через границу, его спрятали в бамбуковую рукоятку кнута и закрыли украшением из белой кости. Это письмо было доставлено в Верхнеудинск небольшой группой членов партии во главе с Сухэ-Батором, с большим трудом пробравшейся через границу.

Через несколько дней состоялась встреча Сухэ-Батора и его товарищей с главой правительства ДВР. Выслушав делегацию, он предложил ей обратиться за помощью к правительству РСФСР.

В письме к Советскому правительству Сухэ-Батор и его товарищи излагали свою просьбу следующим образом:

«Мы, члены Народной партии, от имени своей партии обращаемся к великой России с просьбой о помощи. Мы в союзе со служилыми элементами (монгольскими военнослужащими) своей страны, на военную силу которых мы рассчитываем, стремимся восстановить автономию Монголии и провозгласить хутухту богдо ограниченным монархом. Затем мы хотим провести соответствующие мероприятия по ограничению наследственных прав князей. Добившись независимости страны, мы, используя опыт других стран, развернем борьбу за права и интересы

своего народа. Рост национального самосознания аратства позволит нам через год-другой двинуть революцию дальше, с тем чтобы окончательно ликвидировать права владетельных князей. Поэтому мы просим:

1. Оказать Народной партии Монголии необходимую помощь и способствовать восстановлению автономии Монголии.

2. Назначить советского представителя в Кяхту, который служил бы связующим звеном между советским правительством и Народной партией.

Со своей стороны мы считаем необходимым:

1. Командировать уполномоченных нашей партии в Улясутай и Ван-Хуре, где они должны развернуть работу по вовлечению в партию новых членов и организовать из них ячейки партии. Затем командировать с этой же целью уполномоченных в Кобдо, Монде, в монастырь Дзаин (Цэцэрлик) и в Далай-Ван и Ачиту-Ван Сайн-Ноинхановского аймака.

2. Организовать в Урге Центральный Комитет партии, избрать руководителей комитета. Избранный Центральный Комитет должен будет, во-первых, выпустить обращение к населению, во-вторых, создать армию, способную защитить дело партии, в-третьих, командировать членов партии в Иркутск для обучения их военному делу и получения политического образования. Помимо этого, ЦК должен возглавить работу партийных организаций всей страны. Одновременно с избранием ЦК необходимо выделить людей, которые будут контролировать ЦК, проверять правильность и четкость его работы.

3. Организовать монгольскую народную кооперацию и установить связь с кооперацией, созданной в России, с тем чтобы скот и сырье Монголии вывозились в Россию, а взамен ввозились бы промышленные товары. Кроме того, было бы желательно, чтобы кооперация России организовала на территории Монголии промышленные предприятия по переработке местного сырья. Для этого мы считаем необходимым послать уполномоченных Монгольской Народной партии в Ван-Хуре, Кяхту и в район пограничного караула Хабтагай.

Год белой обезьяны 29 числа 8 луны
(28 августа 1920 г.), Иркутск».

В Иркутске делегация разделилась на несколько групп. Часть делегатов выехала в Москву, один член партии был послан в Ургу для руководства партийной работой в Монголии, Сухэ-Батор и Чойбалсан остались в Иркутске обучаться военному делу.

Проводив своих товарищей, Сухэ-Батор и Чойбалсан приступили к занятиям в школе комсостава.

Сухэ-Батор, поскольку он проходил ранее военную подготовку и не раз участвовал в боях, был направлен в третью группу. Чойбалсана же, как совершенно незнакомого с военной службой, зачислили в младшую группу.

Каждое утро Сухэ-Батор и Чойбалсан вместе с другими курсантами отправлялись на строевые занятия на берег реки Ангары, после чего начинались теоретические занятия, продолжавшиеся до поздней ночи. Сухэ-Батор был раньше знаком с военной техникой и тактикой ведения боя, особенно со строевыми кавалерийскими занятиями и стрелковым делом, поэтому спустя несколько дней он уже стал командиром. Хотя Чойбалсан и Сухэ-Батор учились в разных группах, но теоретические занятия посещали вместе. Сухэ-Батор плохо знал русский язык, и Чойбалсан переводил ему содержание лекций.

Вскоре Сухэ-Батор серьезно заболел и не мог посещать школу. Чойбалсан также прекратил занятия, так как он ухаживал за больным Сухэ-Батором. Через несколько дней занятия возобновились, но проходили они уже не в школе, а на квартире больного.

Сухэ-Батора и Чойбалсана очень волновали события, происходившие на их родине. Вести из Урги приходили самые тревожные. Товарищи сообщали об аресте членов партии, а также лам и князей, выражавших недовольство ликвидацией автономии. Вскоре был арестован член Народной партии Жамьян. При первых же пытках он рассказал о работе партии и выдал врагам имена членов организации. Многие были арестованы. Их обвиняли в том, что они ведут борьбу за восстановление автономии.

О делегации, отправившейся в Советскую Россию, в Урге узнали из китайских газет. Пекинские газеты писали о том, что араты Монголии готовят революционное восстание, что 7 «заговорщиков» пробрались через

границу и просят помощи у Советов. Взбешенные милитаристы жестоко расправлялись со всеми, кто был заподозрен в причастности к революционной организации.

В Урге были расклеены специальные объявления, обещавшие вознаграждение в размере 10 тыс. мексиканских долларов за голову каждого делегата, уехавшего в Россию.

Урга была объявлена на военном положении. По стране рыскали разъезды китайских милитаристов. Вести партийную работу в таких условиях было чрезвычайно трудно. Но оставшиеся на свободе члены партии, скрываясь в горах или кочуя далеко от Урги, все же не прекращали агитационной работы среди аратства.

Помощь, которой добивались Сухэ-Батор и его товарищи, боровшиеся за освобождение угнетенных аратов, могла прийти только из страны Советов. Каждый день ожидания казался годом. Сухэ-Батор — человек железной воли и проницательного ума, веривший в то, что революция непременно победит, убежденный в том, что страна Советов придет на помощь Монголии, деятельный и энергичный — с нетерпением ожидал сообщения из Москвы и страдал от бездействия.

Положение в стране все больше обострялось. Остатки разгромленной Красной Армией банды Семенова под командованием барона Унгерна фон Штернберга бежали в Монголию и развернули бои с войсками китайских милитаристов. Положение монгольского населения стало еще более тяжелым, так как его грабили и те и другие.

Наконец из Москвы была получена долгожданная телеграмма: «Переговоры увенчались успехом». А через несколько дней вернулись и делегаты, окрыленные успехом.

Молодая Советская республика, переживавшая тяжелые годы гражданской войны, разрухи и голода, протянула руку братской помощи измученному монгольскому народу, проявила исключительное внимание и горячую заботу о его судьбе.

Поддержка советского народа явилась огромной моральной силой, вдохновившей революционеров на борьбу с врагом, укрепившей уверенность в победе.

Русские друзья советовали развернуть агитационную работу среди населения пограничных районов с целью увеличения рядов партии и организации вооруженных партизанских отрядов, так как монгольский народ может сам, своими собственными силами изгнать из своей страны иностранных захватчиков. Что же касается белогвардейцев, то для борьбы с ними советские друзья обещали направить части Красной Армии.

Получение ответа из Москвы совпало с наступлением Унгерна на Ургу.

НАСТУПЛЕНИЕ БАРОНА УНГЕРНА. ХОЗЯЙНИЧАНИЕ УНГЕРНА В УРГЕ

Так называемое даурское правительство, потерпев поражение от Красной Армии, перестало существовать. Один из приближенных атамана Семенова — барон Унгерн под натиском войск ДВР вынужден был отойти в Монголию. Он знал, что монголы недовольны хозяйничанием китайских милитаристов. Поэтому Унгерн развернул против них военные действия, рассчитывая, что, ликвидировав власть китайских милитаристов, ему удастся укрепиться в Монголии и получить необходимые резервы, мобилизовав которые он смог бы продолжать борьбу против Советской Республики.

Унгерн вторгся в Монголию через ее северо-восточную границу. Продвигаясь вдоль реки Ульзы, он дошел до реки Онона, не встретив никакого сопротивления. Чтобы скрыть продвижение своих войск к столице, Унгерн вел свои войска через горы, тянувшиеся по обоим берегам Онона. Унгерн выдавал себя за родственника русского царя и свое вторжение в Монголию прикрывал демагогическими заявлениями о желании освободить ее от гнета китайских милитаристов.

Мэрэн Дугаржаб, тайжи Лубсан-Цевен из Тушету-хановского аймака, бурят Жамбалон, баргут Лубсан и другие верные лакеи барона рыскали по хошунам, вербуя в его отряды монголов и беженцев-бурят. К нему стекались также русские белогвардейцы, бежавшие в Монголию. Армия Унгерна росла. 19 сентября 1920 г. отряды Унгерна внезапно подошли к Урге и вступили в бой с войсками китайских милитаристов. Последние, заподозрив богдо и его сановников в измене, отдали распоряжение об аресте богдо. Арест богдо чрезвычайно взволновал как

светское население, так и духовенство Урги и ее окрестностей. Весть об аресте богдо молниеносно распространилась по всей стране. Авторитет богдо среди монгольского населения тогда был очень велик. Подвергнув его аресту, оккупанты вызвали негодование всего населения Монголии.

Барон Унгерн начал наступление на Ургу с северо-востока. По обеим сторонам реки Сельбы и в Консульском поселке шла беспорядочная стрельба. К концу второго дня боев часть маньчжурских солдат, находившихся ранее в отряде Семенова, перешла на сторону Унгерна. Положение китайских милитаристов казалось безвыходным, но белогвардейцы неожиданно отошли на восток. (Как потом выяснилось, у них кончились боеприпасы, и они были вынуждены отступить в ожидании их подвоза.)

В это время в Ургу прибыл во главе карательной экспедиции китайский чиновник Чен И, сыгравший большую роль в деле ликвидации автономии Монголии. Готовясь к разгрому армии Унгерна, Чен И приступил к проведению ряда военных мероприятий. Через чиновников 4 аймаков и зайсанов[1] шабинского ведомства проводилась реквизиция у аратов сотен тысяч лошадей и верблюдов, а также юрт, скота и фуража.

В районе Урги солдаты китайских милитаристов реквизировали продовольствие, отнимали у аратов лошадей, целыми гуртами прямо с пастбищ угоняли овец и рогатый скот. Жителям Урги был запрещен выезд из города. На улицах обыскивали прохожих, отбирая при этом деньги и ценности.

В монастыре Дамба-Даржа, расположенном севернее Урги, солдаты Чен И собрали всех лам монастыря и окрестных аратов и, обвинив их в поддержке войск Унгерна, открыли по ним стрельбу, а затем разграбили монастырь. Монастырь Шадоблин был также ограблен, главный лама убит, а здание монастыря разрушено.

Убийства, насилия и грабежи происходили по всей стране. Монголия стонала под гнетом китайских милитаристов. В народе росло негодование против оккупантов.

---

[1] Чиновники шабинского ведомства. — *Прим. ред.*

Воспользовавшись этим в своих целях, Унгерн, расположившийся в районе Керулена, стягивал силы, готовясь к новому наступлению. Его поддерживали Дугарчжаб, по прозвищу «высокий», и Лубсан-Цевен. Барон Унгерн являлся главнокомандующим всеми силами, Лубсан-Цевен — командующим монгольскими войсками, белогвардеец-бурят Джигмит Джамбалон — его заместителем. При командующем монгольскими войсками было организовано монгольское правительство (министерство).

К Унгерну стекались также добровольцы из монголов, недовольные террором китайских милитаристов. Население снабжало его всем необходимым: скотом, юртами и т. д. Но Унгерн не удовлетворялся этим; его подручные грабили китайских и русских купцов и мирное монгольское население. Над аратством нависла страшная угроза, от которой негде было укрыться: на юге и западе от Урги разбойничали китайские милитаристы, уничтожавшие аратский скот, в восточной части страны хозяйничали белобандиты Унгерна.

Унгерну при помощи демагогического обещания восстановить автономию Монголии удалось намного увеличить численность своих войск. В конце последней зимней луны (январь 1921 г.) он предпринял новое наступление на Ургу. Полк под командованием баргута Лубсана и тибетца Саджи-ламы [1] получил задание проникнуть в Зеленый дворец, захватить богдо и доставить его в монастырь Манчжушири. Актом «освобождения» богдо барон Унгерн рассчитывал укрепить свой авторитет среди монгольского населения, стать близким человеком к богдо, захватить власть в свои руки и превратить Монголию в плацдарм для военных авантюр против Советской России.

Утром 24 января 1921 г. отряд белогвардейцев под командованием Лубсана, пробравшись во дворец, захватил богдо и его жену Ихе-Дагини [2] и доставил их в монастырь Манчжушири, находившийся за пределами Урги.

---

[1] Саджи-лама — приближенный богдо-гэгэна, расстрелян в 1922 г. за организацию контрреволюционного заговора против народно-революционной власти. — *Прим. ред.*

[2] Так называли жену богдо-гэгэна: Ихе — мать, Дагини — богиня. — *Прим. ред.*

В это время барон Унгерн наступал на Ургу с востока. По приказу Унгерна впереди шли плохо вооруженные монгольские цирики, а уже вслед за ними шли белогвардейцы в виде вспомогательной силы. Обманутые бароном Унгерном, пылая ненавистью к китайским милитаристам, монгольские цирики смело шли в атаку. Войска милитаристов, укрывшиеся в горах на север и восток от Гандана, не выдержав натиска, бежали на север. Таким образом, 3 февраля 1921 г. город был полностью очищен от войск китайских реакционеров.

Чен И и высшие чины армии милитаристов на автомобилях бежали в Кяхту. Отступавшие на север войска китайских милитаристов разрушали все на своем пути, сжигали уртонные станции вместе с аратами, выполнявшими уртонную повинность.

Ургу заняли унгерновские банды. Они бесцеремонно грабили население города, ограбили китайский банк, китайские торговые фирмы, убили хозяев этих фирм, сожгли их дома. В ургинском банке находилось довольно значительное количество золота; отступавшие в панике китайские милитаристы не успели вывезти его, и золото попало в руки Унгерна. Унгерновцы жестоко расправлялись с китайскими и русскими торговцами, с оставшимися китайскими солдатами и с мирным монгольским населением. На столбах, на воротах фирм, на коновязях — всюду висели трупы повешенных китайцев, русских, монголов. Бандиты не щадили никого, вешая мужчин и женщин, стариков и даже детей. С особой жестокостью Унгерн расправился с русскими революционерами Кучеренко, Гембаржевским и доктором Цибектаровым — они были изрублены в куски. Зверски преследовал Унгерн евреев, убивая поголовно всех — мужчин, женщин, молодых и старых. Когда унгерновцы подъехали к китайскому госпиталю, раненые солдаты из войск милитаристов встретили их стрельбой. В ответ унгерновцы забросали госпиталь бомбами. Вспыхнувший в результате этого пожар уничтожил не только госпиталь, но и ряд лучших зданий города.

Еще 27 числа последней зимней луны (январь 1921 г.) князья и ламы, видевшие в лице Унгерна своего освободителя, послали к нему из Урги делегацию для совместного обсуждения вопроса о государственном устройстве Монголии.

«Я ставлю своей целью, — заявил им барон Унгерн, — восстановление трех монархий: русской, монгольской и маньчжурской. Пока что я изгнал китайцев, беззаконно захвативших Ургу. Следует теперь вновь восстановить автономное монгольское правительство... Необходимо выбрать счастливый день для восшествия на трон, пригласить богдо-хана с его супругой в Ургу и вновь организовать пять министерств».

В тот же день крупные князья и ламы поехали в монастырь Манчжушири поздравлять богдо с восстановлением автономии и приветствовать монгольского командующего Лубсан-Цевена, охранявшего богдо. Вскоре богдо был перевезен в Ургу, и 15 числа первого весеннего месяца 11 года «многими возведенного» (21 февраля 1921 г.) вновь возведен на ханский трон. Барон Унгерн получил звание хана, титул чин-вана. Так называемый монгольский командующий Лубсан-Цевен получил титул чин-вана. Генералу Резухину был тоже пожалован титул чин-вана.

Кроме вышеназванных лиц, многие русские белогвардейцы и монгольские чиновники, состоявшие в армии Унгерна, были пожалованы титулами и должностями. Высшие ламы и князья были щедро осыпаны милостями богдо.

Вновь созданное «автономное» правительство только по названию было монгольским, фактическим же правителем Монголии являлся барон Унгерн. Указы богдо заменялись приказами Унгерна. Сам же Унгерн действовал по указке японской военщины. Якобы от имени «монгольского правительства» Унгерн отправил декларации о восстановлении автономии Монголии президенту Китайской Республики, народному комиссариату иностранных дел Советской России и военному губернатору восточных провинций Китая Чжан Цзо-линю, являвшемуся агентом Японии. Одновременно Чжан Цзо-линю было послано секретное сообщение, содержащее обещание передать Монголию его войскам.

Вся деятельность барона Унгерна в Монголии была направлена на то, чтобы усилить белогвардейские банды, сосредоточенные в Улясутае, Кобдо, Уланкоме и других пунктах Монголии, увеличить численность армии, предназначенной для будущего наступления на Советскую

Россию. Белогвардейцы насильно мобилизовывали в свои отряды молодежь халхаских аймаков, отбирали у населения скот. Белогвардейцы без суда и следствия расстреливали и вешали монголов, казавшихся им подозрительными, стремясь путем террора задушить в самом зародыше стремление народа к сопротивлению.

Страна стонала под гнетом белогвардейцев. Богатая скотом Монголия в течение короткого времени была разорена. Над монгольским народом нависла угроза голодной смерти.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ ОТРЯДОВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АРМИИ СУХЭ-БАТОРОМ

Получив ответ Советской России, Сухэ-Батор и его товарищи решили немедленно выехать из Иркутска в Кяхту и, развернув агитационную работу среди населения ближайших пограничных караулов Монголии, приступить к организации партизанских отрядов.

18 ноября 1920 г. Сухэ-Батор и Чойбалсан, переодетые в китайское платье, выехали в Кяхту. Но доехав до Троицкосавска, Чойбалсан и Сухэ-Батор изменили план своих действий. Дело в том, что в Кяхте и в восточных пограничных караулах Монголии находилось большое количество войск китайских милитаристов, а на территории Дальневосточной Республики (ДВР) шныряло немало японских шпионов. Проводить революционную работу в этих условиях было чрезвычайно трудно и опасно. Поэтому было решено вести работу в пограничных караулах Монголии, расположенных на запад от Кяхты и граничащих с Советской Россией.

Сухэ-Батор и еще несколько членов Народной партии остались на границе Советской России в местности Сартул-Байт.

Связь с членами партии, находившимися в Урге, осуществлялась через жену Сухэ-Батора Янжиму. Она же доставляла информацию о положении в столице. В дни кровавого террора белогвардейцев, когда монгольской женщине было опасно появляться на улице, Янжима поддерживала связь между членами партии, находившимися в тылу у белых, и Сухэ-Батором.

Чойбалсан был послан в глубь Монголии для проведения агитационной работы среди аратства. Зная, что мно-

гие монгольские князья и ламы, недовольные порядками, установленными оккупантами, враждебно относятся как к китайским милитаристам, так и к бандитам Унгерна, члены партии решили привлечь на свою сторону эту часть князей и лам. Чойбалсану было поручено установить связь с Сумья-бейсе — князем одного из пограничных хошунов. Сумья-бейсе согласился оказать помощь в восстановлении автономии Монголии и, в частности, обещал организовать из аратов своего хошуна отряд Народной армии.

Группа членов революционной партии во главе с Сухэ-Батором установила тесную связь с частями Красной Армии. В это время в Иркутске на монгольском языке печатались воззвания, листовки, требующие установления власти народа, острые, обличающие плакаты, направленные против китайских оккупантов и белобандитов, а также издавалась газета, агитирующая за установление народной власти в Монголии. От имени представителей Народной партии было выпущено воззвание к монгольскому народу. В воззвании говорилось:

«Мы, представители партии, поднялись на борьбу потому, что монгольские князья и ламы, в чьих руках находилась власть, не способны на такой шаг, они могут только угнетать монгольский народ. Они ослабили мощь государственной власти и в конце концов продали страну, отдав монголов в рабство китайским милитаристам. Наша партия поднялась на борьбу против гаминов [1] и послала своих представителей в страну Советов с просьбой оказать помощь угнетенным аратам, помочь восстановить автономию и независимость страны и добиться свободы для аратских масс. Как уже известно, Советская Россия обещала свою помощь.

Некоторые недальновидные монгольские князья и ламы выступают на стороне белогвардейца Унгерна, изгнанного из своей страны и не находящего себе пристанища, мобилизуют в его банды мирных аратов, в то время как этот палач вовсе не думает о восстановлении независимого монгольского государства. Наша партия не может терпеть такого положения. Она объявляет о создании Народной

---

[1] Гамины — так монголы называли оккупационные войска китайских милитаристов. — *Прим. ред.*

армии для борьбы с бароном Унгерном и гаминами. Мы хотим освободить Монголию и установить народную власть.

Монголы, не поддавайтесь обману!

Вступайте в нашу Народную армию!

Мы призываем вас ради великого дела!

Да наступит время мирного труда!»

Это воззвание было разослано официальным лицам и населению караулов, расположенных на запад и на восток от Кяхты.

Много раз Сухэ-Батор и его товарищи нелегально переходили границу для агитации среди монгольского населения. Пламенному агитатору, прекрасному организатору Сухэ-Батору быстро удалось создать из аратов партизанские отряды. Из населения трех восточных караулов Монголии он организовал отряд добровольцев в 50 человек. Этот отряд впервые в истории Народной армии Монголии вступил в бой с разъездом китайских милитаристов и вышел победителем. Дело было так. В караул Кирань, где расположился отряд добровольцев, прискакал один бурят. Со слезами на глазах, он рассказал о том, что к его юрте подъехало около 50 гаминов, которые разграбили имущество, избили его жену и детей. Партизаны решили расправиться с оккупантами и двинулись к караулу, где бесчинствовали гамины. Завязался бой. Отряд партизан несмотря на то, что он был плохо вооружен, вышел победителем. Узнав о происшедшем, Сухэ-Батор дал указание отряду вести беспощадную борьбу с разъездами войск китайских милитаристов, грабящих мирное население.

Однажды в Троицкосавск прискакал монгол и сообщил Сухэ-Батору, что он организовал в Эрдени-ванском хошуне отряд партизан, в котором насчитывается около 30 человек. Это был товарищ Бума-Цэнде. В то время Народная армия насчитывала небольшое число бойцов, и отряд в 30 человек был для нее значительным подкреплением. Вскоре Сухэ-Батор назначил Бума-Цэнде командиром отряда. Умелый командир и отважный боец, Бума-Цэнде не раз вступал в бой с разъездами гаминов, грабившими местных аратов. Во время подготовки к решительному

наступлению на Кяхту Сухэ-Батор назначил его командиром полка.

Первый месяц 11 года подходил к концу (февраль 1921 г.). Однажды было получено донесение, что в местность Шамор прибыло за сеном свыше ста вооруженных гаминов. Узнав об этом, Сухэ-Батор отдал приказ цирикам хошунов Эрдени-ван и Сумья-бейсе быть готовыми к бою, а сам во главе цохора[1] цириков направился к месту нахождения гаминов. Расставив окружение, Сухэ-Батор с тремя цириками подъехал прямо к офицеру.

Увидев бойцов Народной армии, офицер испуганно крикнул:

— Вы чьи солдаты! — и вытащил маузер из кобуры.

На это Сухэ-Батор ответил:

— Мы цирики, защищающие интересы монгольского народа, и к китайскому народу никаких претензий не имеем. Вы, солдаты китайских милитаристов, отбираете сено, заготовленное нашим населением. Это мы считаем незаконным и предлагаем вам сдать оружие.

Офицер отказался сдать оружие. Сухэ-Батор одобрил его поступок, сказав, что каждый военный должен дорожить оружием так же, как своей жизнью. Затем он заявил, им, что цирики революционной армии не поднимут оружия против гаминов, если они немедленно покинут территорию Монголии; в случае же неповиновения они будут расстреляны. Завязался бой между партизанами Сухэ-Батора и гаминами. Китайские солдаты дрались упорно, но были разбиты. Так еще разрозненные, малочисленные и плохо вооруженные отряды монгольской Народной армии одерживали победу за победой над врагами монгольского народа.

Войска китайских милитаристов, потерпевшие поражение в боях с унгерновцами, со всех сторон стекались в Кяхту. Отступление гаминов напоминало бурный поток, уничтожающий все на своем пути. Трупы замученных людей, пожарища, разграбленные юрты свидетельствовали о том, что здесь прошли гамины. Наплыв гаминов в Кяхту вызвал недостаток продовольствия и фуража. Оккупанты

---

[1] Цохор — пестрый. Так назывались воинские подразделения солдат (цириков), набранных из разных аймаков. — *Прим. ред.*

отбирали скот и имущество у местного населения, грабили монастыри. Страна переживала неисчислимые бедствия. Население уходило в леса и в горы, бросая свое имущество и скот. Неудивительно, что весть о деятельности Сухэ-Батора и его товарищей, поднявших знамя борьбы за освобождение Монголии, с молниеносной быстротой распространилась среди аратства. К Сухэ-Батору со всех сторон потянулись пешие и конные, пожилые и молодые, ламы и светские, халхасцы, дюрбеты, буряты и чахары[1]. Они шли днем и ночью, скрываясь в лесах и горах, поодиночке и группами, тайком переходя границу. Араты снабжали Народную армию лошадьми, оружием, палатками и юртами. Быстро росла и крепла военная мощь Народной армии. Искреннее сочувствие и любовь населения поднимали моральный дух бойцов Народной армии. Голод, холод и другие лишения не могли сломить их волю к победе.

Так под руководством вождя монгольской революции Сухэ-Батора была создана славная Народная армия, спаянная единой волей к борьбе за свободу и независимость монгольского народа.

Кроме Сумья-бейсе к Народной армии примкнуло еще несколько хошунных князей. Убежденный националист, чиновник Эрдени-ванского хошуна Бэлик-Сайхан, получив письмо Сухэ-Батора, лично явился в Троицкосавск и дал согласие бороться за освобождение страны. В своем хошуне он организовал отряд цириков из 70 человек и направил их для соединения с отрядом Сухэ-Батора.

---

[1] Чахары — одно из монгольских племен. — *Прим. ред.*

I СЪЕЗД МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ

Великое дело народно-революционной борьбы монгольского народа, начатое Сухэ-Батором и другими революционерами, стало всенародным делом. Для разработки плана дальнейших действий и выработки программы партии 28 февраля 1921 г. в Троицкосавске было созвано совещание членов партии. На этом совещании присутствовали члены партии, находившиеся в Троицкосавске, и делегаты от хошунов, всего 17 человек.

На совещании обсуждались следующие вопросы:

1. О задачах партии на ближайшее будущее.
2. О создании органа по руководству военными делами.
3. Утверждение положения о штабе армии.
4. О работе партии в массах.

Собравшиеся единогласно высказались за то, чтобы немедленно начать вооруженную борьбу за освобождение родины, изгнать с монгольской земли гаминов и белогвардейцев. Решено было создать руководящий военный орган — штаб армии в составе пяти человек. Руководство штабом было возложено на главнокомандующего Сухэ-Батора.

1 марта 1921 г. состоялось второе совещание членов партии, которое вошло в историю Монгольской народно-революционной партии как I съезд партии. На съезде присутствовал 21 человек, председательствовал Сухэ-Батор. Съезд утвердил платформу Народной партии, в которой излагались программные и уставные положения партии.

«В истории монгольского народа бывали случаи, — говорилось в этом документе, — когда он попадал под власть других государств и испытывал тяжелые страда-

ния. Но монгольский народ каждый раз сбрасывал с себя иго поработителей, восстанавливая государственную независимость, снова становился хозяином своей страны и отстаивал свою национальную культуру. Мы помним события недавнего прошлого нашей родины, когда халхасцы Внешней Монголии, не желавшие мириться с гнетом чиновников-деспотов Дайцинской династии, не раз поднимались с оружием в руках против маньчжурских захватчиков.

В настоящее время, когда все народы мира стремятся завоевать свободу и право на развитие своей культуры и обычаев, трудящиеся араты и интеллигенция Монголии, не жалея ни своих сил, ни имущества, поднялись на борьбу за возвращение монгольскому народу власти над его исконными землями. Для достижения указанной цели они организовали Монгольскую Народную партию, которая ставит перед собой следуюшие задачи:

1. Партия стремится взять власть в свои руки для того, чтобы уничтожить горькие страдания народных масс Монголии, и способствовать тем самым достижению ими равенства и всеобщего счастья наряду с другими народами, а также содействовать возрождению могущества своей родины и развитию национальной культуры.

2. Ввиду того что мирное существование монгольского народа, приобщение его к культуре и просвещению невозможно до тех пор, пока Монголия не добьется самостоятельности, Народная партия ставит своей конечной целью создание назависимого государства монгольского народа; ближайшей же целью партии является освобождение монголов от власти китайских милитаристов и русских белогвардейцев и восстановление недавно уничтоженной автономии Внешней Монголии.

3. С утверждением народной власти и восстановлением независимости страны Народная партия должна будет руководствоваться в своей политике твердыми принципами революционных партий.

4. Если в Монголии возникнут партии иного направления, которые будут содействовать достижению наших основных целей, то Народная партия пойдет с ними на временное соглашение; если же эти партии будут мешать борьбе нашей партии, то они будут признаны врагами

монгольского народа. Изменники и коварные лицемеры, предающие великое дело монгольского народа китайским милитаристам, будут объявлены врагами народа.

5. Вопросы внешней и внутренней политики, а также религиозной жизни, вопросы изменения издавна установленных обычаев, традиций и быта наша партия будет разрешать соответственно духу времени, переживаемого народами мира, и сообразно с характером будущих изменений мировых событий, в интересах блага и прогресса монгольского народа. Те же порядки, которые бесполезны, или вредные обычаи, не соответствующие духу времени, или являющиеся отжившими, будут устраняться по мере необходимости как устарелые и вредные, по возможности мягкими, в крайнем случае решительными мерами.

6. Партия стремится к установлению дружественных связей и контакта с революционными организациями России, Китая и других стран, стремящимися, как и наша партия, к уничтожению деспотизма, к прогрессу и утверждению власти народа.

7. Принимая во внимание, что интересы и цели малых народов, стонущих подобно Монголии под пятой сильных государств, едины, партия приветствует осуществление этих общих справедливых задач.

8. Что касается упомянутых в пункте 5 задач государственного строительства, а именно центрального правительства, местного самоуправления, суда, просвещения, народного хозяйства, здравоохранения и справедливого распределения налогов (от чего зависит благосостояние народа), партия в ближайшем будущем опубликует свои требования. Считая, что народные массы имеют право на свободу, партия стремится к устранению препятствий в осуществлении этого права и выступает лишь против действий, противоречащих интересам народа и политике государства.

9. В ряды нашей партии принимаются все монголы, независимо от пола, желающие посвятить себя великому делу освобождения монгольского народа, признающие программу нашей партии и подчиняющиеся ее уставу».

На этом съезде был избран Центральный Комитет партии.

ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. ПОДГОТОВКА НАСТУПЛЕНИЯ НА КЯХТУ

Главнокомандующий Сухэ-Батор совместно с другими представителями Народной партии разработал план взятия Кяхты. Согласно этому плану, бойцы Народной армии были разбиты на 4 полка. Из партизан, пришедших из различных хошунов Монголии, был сформирован 1-й полк, из цириков хошунов Сумья-бейсе — 2-й полк. 3-й полк состоял из цириков восточных караулов. Цирики Эрдениванского хошуна составили 4-й полк, которым командовал Бума-Цэнде. В полках проводилась усиленная боевая подготовка. Наряду с обучением метанию гранат и стрельбе цирикам приходилось нести дозорную службу и принимать участие в разведывательных операциях. Часто происходили стычки между отрядами цириков и разъездами гаминов, грабивших население пограничных хошунов.

В целях мобилизации аратства окружающих караулов и пополнения рядов Народной армии ЦК партии выпустил обращение, в котором говорилось:

«Уважаемые дзанги и цагды [1]! Уполномоченные партии в прошлом году обратились к Советской России с письмом, на котором поставил свою печать богдо-хан. В этом письме мы просили страну Советов помочь нам избавиться от иностранных захватчиков, помочь нам создать независимое государство и завоевать свободу для аратских масс. Советская страна обещала нам свою помощь.

---

[1] Дзанга — офицерский чин пограничных войск. Цагда — солдат пограничной охраны. — *Прим. ред.*

Наш приезд в Троицкосавск совпал со взятием Урги белобандитом Унгерном, который, обманным путем мобилизовав в свои войска монгольских цириков, изгнал с их помощью гаминов.

Мы, монголы восточных и западных караулов, ради спасения народа и нашей религии, а также чтобы отомстить оккупантам за все их злодеяния, должны единодушно подняться на борьбу и провести мобилизацию цириков. Надо использовать благоприятный момент, когда оба наших врага истребляют друг друга, и немедленно занять Кяхту. Но для достижения этой цели мы должны располагать военной силой. Основа нашей армии уже заложена — у нас есть около 400 бойцов.

Обращаясь к вам, уважаемые дзанги и цагды, просим глубже вникнуть в смысл этого обращения и срочно доложить об этом аратам караулов.

Мы уверены в вашей твердой решимости поддержать справедливое дело и надеемся, что вы мобилизуете не менее 100 бойцов от каждого караула и до 25 числа направите их в местность Алтан, где бойцам будет роздано заготовленное нами оружие.

Поддержите великое дело! Отбросьте ненужные сомнения!»

Упоминая в этом обращении о том, что богдо-гэгэн поставил свою печать на письме, посланном в Россию, Народная партия учитывала огромный авторитет богдо среди населения — одно упоминание его имени убеждало многих в справедливости начатого дела.

К этому времени уже многие в Монголии знали о деятельности Народной партии и сочувственно к ней относились. Наступило время для создания народно-революционного правительства.

По инициативе Сухэ-Батора третьего дня первой декады средней весенней луны (13 марта 1921 г.) в Троицкосавске было созвано совещание, на котором присутствовали члены ЦК МНРП, работники штаба армии, представители партизанских отрядов, хошунов и караулов. Это собрание избрало временное Народное правительство в составе 7 человек, в число которых вошли Сухэ-Батор и Чойбалсан.

В решении, принятом на совещании, говорилось:

«Целью вооруженного восстания народа является, во-первых, освобождение родины от ига китайских милитаристов и очищение ее от других захватчиков, вторгнувшихся на ее территорию, во-вторых, создание правительства, способного защищать интересы и развивать культуру монгольского народа.

Для достижения намеченных целей мы считаем необходимым избрать полномочное временное Народное правительство Монголии, которое должно установить дружественные отношения с соседними государствами, уважающими права монгольского народа, освободить монгольский народ от власти иностранных захватчиков и обеспечить создание правительства, свободного от иностранной зависимости, способного обеспечить свободу аратских масс».

ВЗЯТИЕ КЯХТЫ

Наступило время решительных схваток с войсками китайских милитаристов. Главнокомандующий Сухэ-Батор готовил наступление на Кяхту. Во все полки были назначены политработники, которые проводили агитационную работу среди бойцов, готовя их к предстоящим боям. Они рассказывали цирикам о целях, за которые борются партия и временное Народное правительство, рассказывали о Советской России, пример которой воодушевлял угнетенные народы на революционную борьбу.

С большим энтузиазмом готовились цирики к предстоящим боям. С нетерпением ждали они начала выступления.

7 числа 2 луны (15 марта 1921 г.) главнокомандующий Сухэ-Батор направил командиру отряда китайских милитаристов, расположенного в Кяхте, ультиматум следующего содержания:

«Наша монгольская Народная армия готова к немедленному занятию Кяхты. Но руководствуясь гуманными чувствами и желанием избежать напрасного кровопролития и конфликтов, которые могут возникнуть в связи с ведением военных действий в пограничном районе, предлагаю вам, по получении настоящего письма, разоружить ваших солдат и сдаться. В случае добровольного принятия нашего предложения гарантирую полную безопасность всем вашим солдатам и содействие в возвращении их на родину.

Ответ должен быть вручен подателю сего.

В случае, если ответа не последует или если наше предложение будет отклонено, монгольская армия немед-

ленно начнет военные действия и вся ответственность за возможные потери падет на вас.

С приветом

Главнокомандующий монгольской армией Сухэ-Батор
7 дня 2 луны 11 года «многими возведенного»
(март 1921 г.).

Наряду с этим главнокомандующий совместно с представителями штаба армии разработал план взятия Кяхты, состоявший в следующем. Бойцы, подчиненные лично главнокомандующему, начнут наступление с запада на северо-запад по направлению к Эренхамару и песчаным дюнам у верховьев Тегусхе-Булака. Цирики 2-го полка начнут наступление с запада от Тегусхе-Булака по мысу Орос-Булак, что восточнее Ноян-Обо. В местности Бага-Хайластай, что западнее Оргет-Хутуга, и в западной ложбине Ноян-Обо будет устроена засада из специально выделенных для этого 40 бойцов, которая должна прикрыть тыл армии от возможного наступления гаминов со стороны Тужи-Нараса и Сого-Булака. Группа в 50 цириков Эрдени-ванского хошуна под командованием опытного командира направляется в местность Мулту-Гоу, восточнее Сого-Булака, с тем чтобы ударить с тыла по отрядам китайских милитаристов. Оставшиеся 100 цириков Эрдени-ванского хошуна под командой Бума-Цэнде начнут наступление западнее Улан-Бургаса, соединяясь с правым флангом 2-го полка.

Ответа от китайского командования не последовало.

Наступил решающий день.

Было холодно, шел мокрый снег. Около 10 часов вечера, выслав вперед разведку, Народная армия двинулась из Алтана по направлению к Кяхте. Ехали, соблюдая абсолютную тишину. Было категорически запрещено курить, зажигать спички и разговаривать.

К рассвету снег прекратился. Впереди показалась Кяхта.

Главнокомандующий Сухэ-Батор отдал приказ всем частям армии занять позиции согласно намеченному плану. Главные силы Народной армии дошли до Шире-Бурхана. Впереди показался китайский пост. По команде

Сухэ-Батора головной отряд открыл огонь. Два гамина были убиты, остальные, бросив пост, бежали в Кяхту. Весть о приближении частей Народной армии вызвала панику среди солдат китайских милитаристов.

С горы было видно, как перепуганные гамины бежали из города. Их командиры, бросив свою армию, на автомобилях удирали к русской границе.

В городе то там, то здесь разрывались гранаты, метко бросаемые бойцами Народной армии. Замаскированный на берегу реки Басату пулемет открыл огонь по Кяхте.

Но скоро первое замешательство в стане врага, вызванное внезапным нападением Народной армии, прошло. Опомнившиеся гамины открыли частый оружейный огонь, обрушив на бойцов Народной армии град пуль. Цирики бесстрашно вступили в бой с десятитысячной армией китайских милитаристов. Перевалив хребет, цирики спустились к реке Басату, что протекает между горным хребтом и городом. Левое крыло развернуло наступление с северо-запада. Головной отряд армии направлялся к центру города, а правое крыло вело наступление с юга. Выбежавшие из городских ворот гамины залегли цепью вокруг города. Завязался ожесточенный бой. Неожиданно показалась китайская конница.

Случилось то, чего опасался Сухэ-Батор: противник повел атаку на правое крыло Народной армии. Засада из 40 бойцов не могла преградить путь во много раз превосходящим силам противника.

Патроны были на исходе. На этот раз Народная армия отступила, не взяв города.

Но через час, пополнив запас патронов, цирики начали новое наступление. Гамины не выдержали атаки бойцов Народной армии. Подобно черным потокам устремились они прочь из города. Вслед им летели снаряды и пули. Сотни отважных бойцов Народной армии показали в этом бою чудеса храбрости.

18 марта 1921 г. в 12 часов ночи Народная армия заняла Кяхту. С целью предотвращения контрнаступления отступившего врага, а также с целью предотвращения восстания и беспорядков со стороны скрывавшихся в городе гаминов по всему городу были расставлены караулы. Сухэ-Батор срочно созвал совещание командиров, на котором, поздравив их с первой победой, предупредил

о необходимости установить в городе полный порядок и строгую дисциплину в войсках, ни в коем случае не допускать случаев убийства и грабежа как монгольского, так и китайского населения. В этом же духе было составлено обращение к населению Кяхты. Командиры ночью сами расклеивали это обращение по всему городу.

Около 8 часов утра из Троицкосавска прибыли в Кяхту члены временного Народного правительства и ЦК партии. Торжественно, с красными знаменами встречали их Народная армия и население Кяхты. Временное правительство и ЦК партии разместились в здании дзаргучи ямына[1]. Было созвано экстренное заседание ЦК партии и правительства, на котором Сухэ-Батор доложил:

1. О мерах, принятых по охране города и безопасности жизни и имущества мирного населения Кяхты, как монголов, так и китайцев.

2. Об установлении дружественных отношений с иностранными государствами.

3. Об организации министерств.

Правительство утвердило все предложения Сухэ-Батора и образовало три министерства: военное, финансов и иностранных дел.

На другой день, 11 числа 2 луны (19 марта 1921 г.), в различных частях города вспыхнули пожары. Укрывшиеся в городе гамины подожгли его, надеясь, что это заставит Народную армию покинуть Кяхту. Охрана города выловила много гаминов, поджигавших дома.

На борьбу с огнем были мобилизованы все бойцы Народной армии, им помогало население. Из Троицкосавска вызвали пожарных, так как в Кяхте не было своих пожарных команд. Однако потушить пожар было очень трудно. Весь город был охвачен огнем. Правительство предложило срочно приступить к вывозу товаров и ценных вещей.

На заседании членов правительства Сухэ-Батор внес следующее предложение: поскольку Народное правительство ставит своей целью борьбу против захватчиков и угнетателей и вовсе не собирается причинять ущерб трудящимся, к какой бы национальности они ни принадлежали, необходимо вернуть имущество китайскому насе-

---

[1] Здание управления бывшего маньчжурского чиновника пограничной службы в Кяхте. — *Прим. ред.*

лению, бежавшему из Кяхты во время наступления Народной армии. С этой целью направить в Троицкосавск представителя Народного правительства для ведения переговоров с находящимся там китайским сановником Чен И и другими членами китайской миссии о порядке возвращения имущества китайским трудящимся. Кроме того, Сухэ-Батор внес предложение выпустить обращение к монголам, бежавшим за пределы своей родины во время вторжения войск китайских милитаристов, с предложением вернуться в Монголию и заняться мирным трудом. Предложения Сухэ-Батора были приняты. Во все примыкавшие к Монголии районы Советской России и ДВР было разослано обращение, в котором говорилось:

«Народная партия, правительство и монгольская Народная армия поставили перед собой цель освободить нашу страну от жестоких и сеющих смуту гаминов, а также белобандитов и их прихвостней, принесших неисчислимые страдания монгольскому народу.

Что касается мирных торговцев, то мы не причиним им никакого вреда. Ничто не угрожает их жизни и имуществу. Наоборот, Народная армия будет всеми силами защищать их.

Братья монголы, бежавшие из Кяхты и ее окрестностей от ужасов войны и гнета оккупантов, возвращайтесь на родину! Народная армия заняла Кяхту и изгнала захватчиков, установила порядок и спокойствие в городе. Вы можете спокойно заняться мирным трудом».

Для переговоров с китайскими представителями в Троицкосавск по поручению правительства выехал Сухэ-Батор. Но китайские сановники, усмотрев в предложении Народного правительства злой умысел, не дав никакого ответа, ночью бежали из Троицкосавска.

ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Несколько дней бушевал пожар в Кяхте, уничтоживший много домов. Правительство было вынуждено переехать в Алтан-Булак.

После занятия Кяхты войсками Народной армии враг не предпринимал контрнаступлений, но врагов было очень много и внутри города. Для борьбы с ними при военном министерстве была создана военная разведка, руководство которой было возложено на Чойбалсана.

Разведывательные отряды зорко охраняли все горные проходы в районе Кяхты, следили за действиями бежавших гаминов, обнаруживали скрывающихся врагов, внимательно наблюдали за маневрами белогвардейских отрядов.

Территория революционного государства включала в себя: на запад от Кяхты — 5 караулов, от Бур-Джиргитая до Хабтагая; на восток — 4 караула, от Керани до Кудары; на юг — территорию до Ибицика и хребта Цаган-Дабан; на юго-запад — территорию от Шамора до Будун.

Население этих местностей верило Народному правительству и народно-революционной партии и было готово отдать жизнь за освобождение своей родины. На этой территории действовали законы временного Народного правительства, а за ее пределами начинались земли, на которые распространялась власть «автономного» монгольского правительства, «восстановленного» бароном Унгерном.

Население территории «автономной» Монголии не решалось открыто признать власть Народного правитель-

ства, но сочувствовало ему и было знакомо со всеми его мероприятиями. Влияние Народного правительства распространялось до Иро и Эрдени-ванского монастыря, откуда всегда можно было получить самые точные сведения. Население территории «автономной» Монголии было заодно с Народной партией и было готово вместе с ней бороться против белогвардейских банд.

Воспользовавшись передышкой, народно-революционная партия и правительство занялись укреплением государственного аппарата. Был создан ряд государственных учреждений: административный отдел, отделы юстиции, иностранных дел и связи. Все эти отделы входили в министерство иностранных дел. Народное правительство всемерно заботилось об укреплении и пополнении армии. Проводилась мобилизация лошадей, сбор перевозочных средств, продовольствия и фуража для армии. В Алтан-Булаке была создана военная школа для подготовки командного состава.

В целях укрепления революционной дисциплины и порядка при военном министерстве были организованы милиция и военный суд. Принимались меры к укреплению воинской дисциплины. В решении правительства по этому вопросу, разработанном Сухэ-Батором, говорилось: «Монголы, в течение многих веков находившиеся под гнетом иностранных захватчиков, ныне сбросили с себя этот гнет и создали Народное правительство. Законы и постановления Народного правительства на территории страны должны уважаться и беспрекословно выполняться, а границы государства должны твердо охраняться от посягательств внешних врагов. Для этого необходимо, в соответствии с принципами независимого государства, с одной стороны, законами и обычаями Монголии — с другой, создать сильную армию.

Монгольская армия должна выше всего ставить защиту интересов нашего многострадального народа, а также помнить и хранить в чистоте великие идеи о лучшей жизни трудящихся, за которую борются все народы мира. Для этой цели необходимо:

1. Создать на основе прилагаемого проекта Центральное управление Народной армии.

2. Поручить начальнику штаба армии разработать мероприятия по охране границ.

3. Поручить военному министру обследовать все имеющиеся военные организации в аймаках и хошунах и по мере необходимости создать новые управления.

Одновременно необходимо:

а) провести учет лиц, способных отбывать воинскую повинность, с указанием их возраста, положения и пр.;

б) призывать на военную службу всех мужчин, за исключением лам, приписанных к монастырям;

в) подготовить на случай мобилизации цириков и конский состав;

г) призывать на военную службу молодых людей, начиная с 19 лет, причем каждый призываемый должен привести с собой двух коней с одним седлом;

д) в первую очередь призывать командный состав, а также лиц, прошедших военную подготовку.

4. Создать в первую очередь одну полную кавалерийскую бригаду из 2 полков по 2 эскадрона в каждом. Кроме того, создать 2 эскадрона и пополнить ими имеющийся полк. В дальнейшем сформировать еще одну бригаду, с тем чтобы из 2 бригад организовать дивизию. Организовать один запасной полк и один учебный полк командного состава, согласно прилагаемому проекту.

5. В тех частях, где имеются подготовленные командиры из монголов, не назначать инструкторов. Командиры должны проходить подготовку в учебном полку. Проверить весь имеющийся командный состав и лиц, не соответствующих своему назначению, уволить.

6. Поручить главнокомандующему Сухэ-Батору строго проводить в жизнь военные обычаи и законы.

7. Для того чтобы успешно охранять Монгольское Народное государство от внешних и внутренних врагов, необходимо организовать армию по европейскому образцу. Поручить военному министерству провести по этому вопросу разъяснительную работу среди цириков.

По предложению главнокомандующего Сухэ-Батора в Западный Алтай, в урянхайские хошуны, в Кобдо и Уланком, к дюрбетам и олетам были посланы представители партии, в задачу которых входило распространение идей Народной партии и организация партизанских отрядов для борьбы с группами белогвардейцев, находящихся в

этих районах. Для того чтобы выяснить, имеются ли среди руководителей ургинского правительства лица, сочувствующие делу Народной партии, «автономному» правительству было послано письмо, заканчивающееся следующими словами:

«Страдания будущих дней, если их сравнить с теми страданиями, которые были причинены монгольскому народу гаминами, покажутся незначительными. Время для окончательного выбора между страданием и счастьем наступит дней через пятнадцать. Если вы согласны на переговоры, то предварительно шлите в Кяхту своего представителя с указанием места, дня и часа встречи. Наши войска гарантируют вам полную безопасность».

Но на это письмо ответа не последовало.

В средний весенний месяц (март 1921 г.) временное правительство выпустило следующее обращение к населению:

«К аратам, ламам и князьям всей Монголии!

Освободим свою страну от ига иностранных оккупантов!

Изгоним вооруженных бандитов, рыскающих по нашей земле, грабящих наш народ и сеющих смуту!

Установим на нашей земле порядок и спокойствие!

«...Мы, семь человек, по совету почетных и мудрых людей нашей страны, были избраны членами временного правительства Монголии. Нам поручено созвать представителей от населения всей страны и открыть Великий Хурал, который должен обсудить и решить все государственные дела, избрать постоянное правительство независимого монгольского государства, издать необходимые законы.

Отныне вся власть принадлежит монгольскому народу, а распоряжения иностранных захватчиков не имеют никакой силы.

Временное Народное правительство приложит все свои силы для освобождения аратских масс. Мы верим и будем верить, уповая на предопределение неба, в великое и прекрасное будущее монгольского народа. Вы все без исклю-

чения видите, какие безграничные страдания приходится переживать монгольскому государству. Вы, мудрецы и интеллигенты, справедливые мужи и смелые богатыри, должны понять значение переживаемого момента и помочь добиться для нашей страны счастливого будущего.

Русские белогвардейцы во главе с бароном Унгерном. пытавшиеся установить у себя на родине, в России, жестокую власть эксплуататоров, были изгнаны из ее пределов своим же народом. Воспользовавшись острым недовольством монгольского населения произволом китайских милитаристов, белобандиты выдвинули лозунг — освобождение Монголии из-под жестокого гнета гаминов и создание самостоятельного монгольского государства. Прикрываясь этим лозунгом, они вторглись на нашу землю, заняли Ургу, захватили власть в свои руки и терроризируют все население.

Исходя из этого, временное Народное правительство, следуя принципам справедливости, призывает вас изгнать из пределов нашей страны безнаказанно бесчинствующих белобандитов, полностью очистить от них нашу родину.

Временное правительство ставит перед собой следующие основные задачи: освободить родину от гнета китайских милитаристов, уничтожить вооруженные банды белогвардейцев, орудующие в нашей стране, и тем самым обеспечить спокойствие в стране. Наше правительство гарантирует полную безопасность жизни и сохранность имущества мирным иностранным гражданам: русским, китайцам. Пусть каждый свободно занимается своим делом. Представители народа всей Монголии созовут Великий Хурал, который обсудит важнейшие государственные дела и изберет постоянное правительство независимого Монгольского Народного государства.

Вторая луна 11 года «многими возведенного»
(март 1921 г.).

Временное правительство приняло положение о порядке предоставления иностранцам прав на возведение на территории Монголии построек, о порядке получения права на торговлю, на занятие промыслами, земледелием, огородничеством, сенокошением, рыболовством, заготов-

кой леса и т. д. Эти мероприятия были первым шагом в деле упорядочения использования естественных богатств страны. Одновременно с проведением этих мероприятий Народное правительство готовилось к решительным боям с бароном Унгерном. Народному правительству была известна нота советского правительства «автономному» правительству в Урге по вопросу об установлении дружеских отношений.

Содержание ноты советского правительства сводилось к следующему: если «автономное» правительство Монголии действительно желает установить дружественные отношения с Советской Россией, то оно должно изгнать белогвардейцев во главе с Унгерном, выходцем из армии белобандита Семенова. В своей ноте советское правительство предупреждало, что оно не потерпит концентрации белогвардейских войск в местности, граничащей с территорией Советской России, и если монголы сами не уничтожат отряды белогвардейцев, то советское правительство поможет ликвидировать эти отряды.

28 марта 1921 г. Народное правительство получило сообщение, что западнее Кяхты в районе хошунов Ахай-гуна, Сумья-бейсе, Ханда-вана и в ближайших к ним караулах появилась шайка белобандита Сухарева. Совместно с захиракчи[1] хошуна Сумья-бейсе они грабят местное население и готовят нападение на войска Народного правительства.

В район действия белобандитов был немедленно направлен заместитель главнокомандующего Сумья-бейсе с заданием мобилизовать в этих хошунах необходимое число цириков и уничтожить бандитов. Сумья-бейсе сопровождали 45 цириков, кроме того, в помощь ему был послан комиссар партизанского отряда Иванов.

Но вскоре комиссар Иванов вернулся и сообщил Сухэ-Батору, что Сумья-бейсе занялся поисками своего личного имущества, организованные же им отряды цириков предоставлены самим себе и лишены самого необходимого: продуктов питания, палаток, фуража.

Правительство решило сместить Сумья-бейсе с поста заместителя главнокомандующего и назначило вместо него

---

[1] Захиракчи — чиновник, управляющий делами хошуна. — *Прим. ред.*

Чойбалсана. Чойбалсану было дано боевое партийное задание — привести в надлежащее состояние отряды Народной армии, расположенные в западных хошунах и караулах, и поднять их боеспособность. Одновременно был создан штаб войск западного направления, во главе которого были поставлены Чойбалсан и старый сибирский партизан Щетинкин. В это время от военных частей, расположенных в Ибицике и Шаморе, поступило донесение о том, что войска барона Унгерна выступили из Урги и идут на север.

НАСТУПЛЕНИЕ БАРОНА УНГЕРНА НА КЯХТУ

В Урге Унгерн вел себя как диктатор. Созданное им «автономное» правительство фактически не имело никакой власти. Усиленно готовясь к северному походу, Унгерн силой мобилизовал в свои отряды монгольское население, конфисковал имущество, объединил разрозненные группы белогвардейцев, бесчинствующих в различных пунктах страны. Он ставил перед собой цель уничтожить народную власть в Монголии, затем развернуть наступление на РСФСР.

Богдо, министры «автономного» правительства, князья и ламы беспрекословно повиновались приказам Унгерна, подобно тому, как человек, застигнутый бурей в степи, становится игрушкой стихии. Все его приказы о мобилизации цириков, о разверстке и поборах беспрекословно выполнялись. Особенно большие поборы взимались с восточных аймаков и шабинского ведомства — тысячи цириков, табуны верховых лошадей, огромное количество провианта поставлялись для армии Унгерна.

Узнав о занятии Кяхты войсками Народного правительства, барон Унгерн, ненавидевший все революционное, мечтавший о восстановлении монархий, приступил к мобилизации всех сил, чтобы уничтожить монгольскую Народную армию.

15 числа 4 луны 11 года (20 апреля 1921 г.) барон Унгерн со своей армией выступил на север, оставив в Урге лишь незначительное число полицейских для охраны города. Из оружейных складов военного министерства были взяты все сколько-нибудь пригодные винтовки и орудия.

Белобандит Унгерн в 1921 г. перед началом похода на север располагал следующими силами: кавалерии — 11 тыс. сабель, пулеметов — 37, орудий — 21. Основную силу составляла дивизия, находившаяся под его личным командованием, в составе 2 полков пехоты и 4 800 сабель, 20 пулеметов и 12 орудий. Второй дивизией, насчитывавшей до 2 тыс. штыков, командовал генерал Резухин. Кроме того, на север шли отряды белогвардейцев и мобилизованных ими монголов. На юг от озера Хувсгула продвигались две бригады особого назначения под командованием полковника Казагранди, в составе 600 штыков, при 9 пулеметах и 1 орудии. Из Урянхайского края шли 3 отряда Казанцева, насчитывавшие 700 кавалеристов, имевшие 1 орудие. Четыре отряда Кайгородова в количестве 700 кавалеристов, с 3 пулеметами и 1 орудием, двигались вдоль Керулена и Онона. К ним присоединились банды русских и бурятских белогвардейцев, сконцентрированных в этом районе. План похода на север был таков: все перечисленные выше отряды были разделены на 4 колонны и должны были двинуться одновременно разными дорогами к русско-монгольской границе. В задачу похода входило уничтожить монгольскую Народную армию и Народное правительство, а затем, продвинувшись к Сибирской железной дороге, занять ДВР и отрезать ее от РСФСР. Идя на эту авантюру, барон Унгерн рассчитывал на помощь со стороны забайкальских казаков и атамана Семенова, находившегося в Маньчжурии. Но его расчеты не оправдались, и он вынужден был вести наступление один.

Согласно плану Унгерна, основные силы его армии под его личным командованием направлялись на Кяхту, Алтан-Булак и на Троицкосавск. Вторая дивизия под командованием Резухина шла на расстоянии трех уртонов [1] западнее тракта Урга — Кяхта. Левое крыло своего отряда Резухин направил на караул Желтура.

Как предусматривалось планом, все эти отряды в случае надобности могли соединиться и объединенными силами нанести удар по Троицкосавску.

---

[1] Уртоны — почтовые станции, отстоящие одна от другой на расстоянии 30—40 *км*. — *Прим. ред.*

Прежде чем начать наступление на Троицкосавск, отряд под командованием чахара Баяр-гуна, идущего в авангарде бригады Унгерна, должен был внезапным ударом уничтожить заставу народоармейцев на Ибицике. Сборный отряд из белогвардейцев — русских и бурят — наступал на караул Мендзи, держась в направлении верховьев Онона, восточнее Троицкосавска.

Унгерн рассчитывал, что отряд Баяр-гуна займет Кяхту, а главные силы, пройдя восточнее Алтан-Булака, ударят по Троицкосавску и затем начнут наступление на Верхнеудинск.

Конная бригада Казагранди, составлявшая западное крыло армии Унгерна и состоявшая из русских и бурятских белогвардейских отрядов, должна была наступать на Советскую Россию через караул Моден-Куль, чтобы отвлечь внимание советской 5-й армии и тем самым открыть путь на Троицкосавск основным силам Унгерна.

РАЗГРОМ БАРОНА УНГЕРНА ПОД АЛТАН-БУЛАКОМ

Штаб монгольской Народной армии совместно с частями армии Дальневосточной Республики деятельно готовился к боям с войсками Унгерна.

План разгрома Унгерна был таков:

1. Одна из частей Народной армии, стоявшая в Ибицике, должна была встретить отряд Баяр-гуна, идущий в авангарде унгерновских войск. Этой операцией должен был руководить сам главнокомандующий Сухэ-Батор.

2. Против унгерновского отряда, наступавшего восточнее Троицкосавска, должны были выступить войска Дальневосточной Республики (2-я Сретенская бригада и читинская батарея).

3. Конную бригаду Казагранди и дивизию Резухина, наступавшие на Модон-Кульский и Желтуринский караулы, должны были встретить войска западного направления под командованием Чойбалсана и отряд красных партизан во главе с опытным командиром Щетинкиным.

4. Ликвидация белогвардейских отрядов, орудовавших в Алтайском и Кобдоском районах, возлагалась на специально командированных в эти районы членов Народного правительства. Они должны были организовать из местного населения добровольные партизанские отряды и разгромить разрозненные банды белогвардейцев. Кроме того, по просьбе Народного правительства, для ликвидации остатков белогвардейцев туда направлялись части Красной Армии.

В конце мая 1921 г. авангард главных сил Унгерна под командой Баяр-гуна внезапно напал на отряд Народной армии в Ибицике и, уничтожив его, двинулся через лес к Алтан-Булаку.

Узнав о случившемся, главнокомандующий Сухэ-Батор с отрядом цириков выступил навстречу бандитам. Одновременно с юго-востока развернул наступление один из отрядов ДВР.

Конница монгольской Народной армии, которой командовал сам главнокомандующий Сухэ-Батор, наголову разбила отряд Баяр-гуна. Солдаты Баяр-гуна бежали в панике. Конница Сухэ-Батора преследовала отступающих, уничтожая их. Цирики Народной армии получили задание захватить Баяр-гуна живым. Раненый Баяр-гун сдался в плен на северном берегу реки Гилан-нур, около Белого Субургана. Преследование чахарского отряда продолжалось вплоть до реки Иро, где остатки банды были рассеяны.

Вскоре после ликвидации отряда Баяр-гуна, 5 июня 1921 г., главные силы барона Унгерна начали наступление на Алтан-Булак и Троицкосавск. Силы наступающих составляли около 3 500 сабель при 7 орудиях. Часть унгерновских войск начала орудийный обстрел Алтан-Булака и Троицкосавска.

Положение Народной армии было критическим. В Кяхте под командованием Сухэ-Батора насчитывалось едва 700 бойцов. В Троицкосавске находились 2-я Сретенская бригада в составе 500 сабель и батальон пехоты в составе 250 штыков при 1 батарее. Преимущество явно было на стороне Унгерна, силы которого более чем в два раза превосходили объединенные силы отрядов Народной армии и отрядов ДВР.

Развернулись упорные ожесточенные бои. Немало храбрых монгольских цириков и бойцов из отрядов ДВР погибло в этих неравных боях.

Советская Россия послала на помощь Народной армии 103-ю бригаду Красной Армии, которая ударила по левому крылу унгерновцев, в результате чего барон был вынужден отступить. Туча, казавшаяся столь грозной, была рассеяна.

В последних боях с Красной Армией Унгерн был ранен. Настроение унгерновцев упало. Лама Дара-Эхэ, командовавший монгольскими частями, состоявшими в большинстве из принудительно мобилизованных Унгерном аратов, столкнувшись с частями Народной армии, в страхе бежал, бросив своих солдат.

Вера воевавших на стороне Унгерна монгольских цириков в справедливость дела, за которое они сражались, была сильно поколеблена. Эти части начали переходить на сторону Народной армии.

Главные силы барона Унгерна были разбиты. Остатки разрозненных частей белогвардейцев бежали на запад, за реку Иро, стремясь соединиться с дивизией генерала Резухина.

ОПЕРАЦИИ ЧОЙБАЛСАНА И ЩЕТИНКИНА

В соответствии с планом разгрома белогвардейцев, принятым Народным правительством, Чойбалсан сосредоточил свои силы у Желтуринского караула, куда подошли и отряды красных партизан под командованием Щетинкина.

Старый партизан Щетинкин, командовавший партизанскими отрядами во время гражданской войны в Сибири, был храбрым и энергичным командиром-революционером.

Ему, как опытному военному специалисту, было поручено вместе с Чойбалсаном командовать особой западной армией. За его заслуги Народное правительство Монголии присвоило ему звание «Темур Батор Джань-Джунь» (железный командир-богатырь).

Бой с дивизией Резухина продолжался двое суток. Цирики Народной армии и бойцы Красной Армии отважно сражались против значительно превосходящих сил противника. Белогвардейцы понесли значительные потери. Дивизия белогвардейца Резухина под прикрытием ночи отступила. Было очевидно, что белобандиты отказались от попыток перейти советско-монгольскую границу через территорию Желтуринского караула.

Щетинкин и Чойбалсан двинули свои войска на запад, рассчитывая обнаружить противника именно в этом направлении.

Вскоре разведка донесла о том, что с юга в направлении караула Моден-Куль движется отряд белогвардейцев.

Советско-монгольские войска выступили навстречу белобандитам. Встреча произошла на горе южнее Олон-Нура.

Это оказалась конная бригада Казагранди, состоявшая из русских и бурятских белогвардейских частей, имевшая задание начать наступление на РСФСР через территорию караула Моден-Куль.

Завязался бой. Приняв бой, арьергардный отряд белогвардейцев через некоторое время отступил. Советско-монгольские части продолжали преследование отступающих.

Впоследствии выяснилось, что бригада Казагранди, не имея постоянной базы в тылу, вынуждена была вместе с авангардом своих войск посылать обоз, охраняемый с тыла конницей. Встретив части монгольских и советских войск, конница Казагранди вступила в бой, чтобы дать возможность обозу отойти в глубь Монголии, после чего отступила сама.

Преследование отряда Казагранди продолжалось несколько суток, причем цирики достигли хошуна Мергенгуна Сайн-Ноинхановского аймака.

Оставив основные силы в местности Аца, Чойбалсан и Щетинкин с группой конных цириков продолжали преследовать противника, отступавшего в направлении монастыря Пандит-ламы.

Неожиданно разведка сообщила, что на противоположном склоне горы показались белогвардейцы. Оказалось, что генерал Казагранди, стремясь избавиться от преследователей, устроил засаду. Отступать было поздно. Белогвардейская конница наступала с запада, с целью отрезать отряд советско-монгольских войск от тыла и окружить их, а с востока начала атаку находившаяся в засаде пехота.

Малочисленному отряду советско-монгольских войск, занимавшему крайне невыгодную позицию, пришлось принять бой. Бой длился с переменным успехом целый день.

С наступлением ночи войска обеих сторон отошли. Воспользовавшись передышкой, Чойбалсан и Щетинкин вернулись за подкреплением в местность Аца. На другое утро разведка доложила, что Казагранди со своими войсками отступил далеко на юго-запад. Преследование пришлось прекратить.

Обследование места боя показало, что белогвардейцы с неслыханной жестокостью расправлялись с ранеными цириками: их привязывали к деревьям и сжигали. Убитых оказалось около 80 человек.

Особая западная армия остановилась в районе Селенги, ведя среди населения революционную пропаганду. Симпатии большинства аратства были на стороне народной власти. Араты всеми силами старались помочь делу освобождения родины. Почти ежедневно в штаб западной армии приезжали и приходили араты, доносившие, где спрятан заготовленный Казагранди скот и сколько унгерновских солдат охраняют его. В результате этого народоармейцам удалось раздобыть для армии значительное количество лошадей и крупного рогатого скота.

В начале июня 1921 г. к караулу Желтура подошли 104-я и 105-я бригады 35-й дивизии Красной Армии.

Военные действия на русско-монгольской границе временно прекратились. Барон Унгерн, разбитый под Алтан-Булаком, отступил в глубь Западной Монголии, где присоединился к сильно потрепанным в боях под Желтурой частям Резухина.

ПОХОД НАРОДНОЙ АРМИИ НА УРГУ

Объединенные военные силы двух дружественных государств начали поход на Ургу. Кроме монгольских частей, в походе участвовала 5-я конная дивизия, 1-я Сретенская кавалерийская бригада, 103-я бригада, 35-й кавалерийский полк и отряд Щетинкина.

Перед самым наступлением на Ургу Временное правительство обратилось ко всему населению Монголии со следующим воззванием:

«На стороне нашей Народной армии выступают красноармейцы Советской России. Не бойтесь их, это не гамины или белобандиты Унгерна, которые занимались грабежами и убийствами. Красноармейцы преследуют великую цель оказания помощи угнетенным народам всего мира в деле их национального освобождения без различия национальностей и религии. Поэтому их нельзя ставить на одну доску с войсками империалистических стран, которые, как хищники, стремятся лишь к захвату чужих земель, богатств, людей и скота. Красная Армия превыше всего ставит интересы народных масс, она борется за то, чтобы ликвидировать разбойничьи банды и никогда не позволит обирать население нашей страны.

Когда Красная Армия покончит с Унгерном, она вернется в Россию. Мы призываем население спокойно заниматься своим трудом. Нет причин для беспокойства и сомнений. Все, кто будет сеять панику, бросать скот и бежать, будут привлекаться к строгой ответственности.

20 числа 5 луны 11 года «многими возведенного»
(25 июня 1921 г.).

Временное Народное правительство Монголии, Народная армия и Народная партия распространяли среди населения это воззвание. Весть о походе Народной армии быстро разнеслась по всей стране. В тылу у белых всюду вспыхивали восстания. На западе в Кобдо и Улясутае образовались партизанские отряды аратов, уничтожавшие белогвардейцев и открыто помогавшие Народной армии. Даже крупные отряды белобандитов были бессильны оказать сопротивление наступавшим частям Народной армии и Красной Армии. Вступавшие же в бой белогвардейские части немедленно уничтожались. Мелкие банды уничтожались местным населением. Там, где появлялись войска Народной армии, водворялся порядок и устанавливалось революционное правление.

На реке Иро, в местности Дзулдзага, отряд Сухэ-Батора вступил в бой с белогвардейскими частями Немчинова. Наступавшая Народная армия совместно с советскими частями представляла огромную силу. Поэтому кучка белобандитов вскоре была разгромлена. На реке Хара, в местности Манхатай, был ликвидирован еще один отряд белогвардейцев.

В отрядах белогвардейцев началось разложение.

Отряд Баяр-гуна, разбитый под Алтан-Булаком, лишившись своего начальника, отступал, намереваясь присоединиться к отряду Найданжаб-вана, находившегося на юго-восточной окраине Монголии. В состав этого отряда входила часть, состоявшая из взятых в плен народоармейцев — аратов Эрдени-ванского хошуна. Эта часть откололась от белогвардейцев и присоединилась в Урге к Народной армии.

Мобилизованные белогвардейцами араты группами переходили на сторону Народной армии.

Восстановленное Унгерном «автономное» правительство, узнав о происходящих событиях, пришло в страшное смятение.

27 числа средней летней луны 11 года (2 июля 1921 г.) министерство внутренних дел унгерновского правительства выпустило обращение ко всему населению с приложением следующего указа богдо:

«Указ солнечно-светлого, десятитысячелетнего богдо Эдзенхана... В год самки белой свиньи (то есть в

1911 г. — *Х. Ч.*) мы, монголы, отделившись от Срединного государства, установили автономное правление, заключили соответствующие договоры, чтили нашу религию и заветы наших отцов, были исполнены любви и милосердия к народу. В стране царило благополучие: в каждой юрте было изобилие, каждый человек жил в достатке, дождь был благодатным, ветер — благоприятным.

Но на нашу страну напали алчные, жестокие гамины. Они осквернили нашу религию, разграбили наше имущество и причинили глубокие страдания народу. При помощи различных коварных приемов, а также силой оружия они стремились окончательно уничтожить нашу нацию. Гамины ликвидировали автономию нашей страны. Как я, так и мои дети-ученики, высшие и низшие, старые и молодые, мужчины и женщины, были этим бесконечно недовольны и обращались с жалобой и с призывом о помощи к высшим богам. Как с нашего разрешения, так и без него создавались группы для борьбы с врагом.

Когда мы изгоняли гаминов, войска Советской России близко подошли к нашей границе. Гамины, затаив злобу, направились было на север от Урги, но, встретившись с могучей Красной Армией, отступили и бежали на свою родину.

Не является ли это доказательством истинного могущества бога и силы духа хранителей, которым мы поклоняемся?

Теперь, когда мы снова вернули свои права и попрежнему осуществляем власть; когда свою внутреннюю политику мы проводим в соответствии с требованием времени, а внешнюю — в духе миролюбия с другими державами, укрепление границ нашего государства следует считать нашим первоочередным делом. Вообще нет поводов заявлять, что мы «проводим идеи одних, враждуя с другими».

Часть монголов, поскольку до них не дошли еще сведения, что центральная власть восстановлена и что белогвардейские войска и гамины изгнаны с нашей земли, отправилась за помощью на север. Ненавидя гаминов, они организовали Народную партию и ведут бои, не зная, повидимому, что в центре все спокойно.

Отсюда они будут ошибаться и в религиозных заветах.

Если мои близкие и дальние ученики, которым дороги дела нашей религии, государства и народа, поймут меня

и помогут мне в моем стремлении способствовать процветанию религии и благоденствию живых существ, то мы сможем избежать возможных ошибок, победим зло и разруху. К этому я стремлюсь во имя любви ко всем живым существам. Только при этом условии я смогу руководить народом и оказывать ему благодеяния.

Если вы разделяете мои стремления, то сложите оружие, вернитесь и окажите ваше содействие делам государства и религии. Если вы не вполне согласны со мною, то доложите мне о ваших целях и намерениях.

Ставя свою печать, призываю вас следовать за мной.

27 числа 5 луны 11 года «многими возведенного».

Это обращение было доведено до всеобщего сведения, а один экземпляр был доставлен специальным курьером Временному Народному правительству и Народной партии, когда они были в Бургултае.

Прочитав это обращение, руководители партии и правительства сделали вывод, что оно написано или под диктовку бандита Унгерна, или его составили ламы и князья, боявшиеся, что Народное правительство ограничит их феодальные права. Особенно омерзительно звучали слова: «сложите оружие, вернитесь». Было решено воздержаться от ответа богдо и продвигаться вперед.

ВСТУПЛЕНИЕ НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В УРГУ

Ставленники белобандитов в Урге — бурят Джигмитжаб Жамболон и баргут Лубсан, услышав о приближении Народной армии и Красной Армии, 27-го числа (5 июля) бежали на автомобилях из Урги на юго-восток.

Во дворце царил полный переполох. День и ночь происходили совещания министров и лам.

1 числа 6 луны (6 июля) в город вошел первый отряд армии ДВР и Народной армии. Его льстиво встречали напуганные члены созданного Унгерном «правительства».

3 числа (8 июля) около 9 часов утра в город въехали руководители Народно-революционной партии, Временного правительства и Народной армии.

Бойцы Народной армии торжественным маршем вошли в город и остановились на площади перед монастырем (ныне площадь Сухэ-Батора). Собравшиеся для встречи князья и ламы, перепуганные этим торжественным въездом, толпились в беспорядке, позабыв слова приготовленных приветствий.

Главнокомандующий Сухэ-Батор в сопровождении нескольких товарищей поехал во дворец богдо.

Да-лама Пунцук-доржи и Максаржап-бейсе выехали к ним навстречу. Но члены партии и Народного правительства во главе с Сухэ-Батором, не сказав им ни слова, вошли во дворец богдо. Затем Сухэ-Батор явился в военное министерство, где собрались князья, высшие ламы и министры. Здесь он произнес речь, смысл которой сводился к следующему:

«Представители аратства с помощью великого Советского государства разгромили иностранных захватчиков и вернули независимость своей родине.

Барон Унгерн под предлогом восстановления автономии Монголии разорял нашу страну. Для освобождения нашей страны от иностранных захватчиков и для завоевания свободы и прав монгольскому народу мы избрали Народное правительство и решили создать государственную власть совершенно на иных началах.

Прибывшее в Ургу Народное правительство могло действовать по-революционному. Но принимая во внимание, что вы, ламы и князья, не сопротивлялись, а также учитывая положение в стране, правительство решило установить народную власть, провозгласив богдо ограниченным монархом. Прежние министры смещаются со своих постов и должны в полном порядке сдать свои дела».

Реакционные ламы и князья, ненавидевшие народно-революционную партию и ее вождя Сухэ-Батора, отстранивших от власти невежественных князей для того, чтобы передать ее в руки трудящихся аратов, не могли открыто выступать против Народного правительства, так как стремление народа к новой, счастливой жизни как пламя охватило всю страну и всякое сопротивление реакции было бы немедленно сломлено революционным аратством.

5 числа последней луны 11 года (10 июля 1921 г.) ЦК партии вынес постановление о провозглашении богдо ограниченным монархом монгольского государства и об организации Народно-революционного правительства.

Народная партия возложила на вновь созданное правительство следующие задачи: прежде всего добиться, чтобы араты Монголии стали хозяевами своих земель и вод; указать монгольскому народу великий путь развития и процветания; ограничить власть монарха; обеспечить права и свободу аратам.

Впервые в истории Монголии ею стало править правительство, выбранное представителями народа. Военным министром и главнокомандующим был утвержден Сухэ-Батор, заместителем главнокомандующего — Чойбалсан.

6 числа последней луны 11 года (11 июля 1921 г.) в центральном дворце богдо-хана состоялась церемония возведения богдо в права ограниченного монарха страны. Была провозглашена конституционная монархия с Народно-революционным правительством.

После этого на площади состоялся митинг, на который собралось все население города. Сухэ-Батор произнес речь большого политического значения. Араты, впервые в своей жизни присутствовавшие на митинге, восторженно встретили сообщение о том, что новая власть борется за права и свободу аратских масс.

В первые же дни существования новой власти была опубликована принятая еще в Кяхте платформа партии, знакомившая население с политикой нового правительства.

Народная партия и Народное правительство издавали новые законы и отменяли старые и проводили мероприятия, направленные на защиту интересов аратских масс, в частности была отменена выплата старых долгов китайским ростовщическим фирмам.

Правительство установило порядок обсуждения государственных дел, согласно которому вопросы внутренних реформ, взаимоотношений с иностранными государствами, создания постоянной армии и ее обучения, а также экономические и прочие вопросы должны были обсуждаться сначала правительством, а затем представляться богдохану для утверждения и приложения печати. Фактически же все вопросы государственной важности решались народным правительством без согласования их с богдо. Многие права и привилегии феодалов были отменены. Все эти правительственные мероприятия носили революционный характер и отвечали интересам народа.

ЗАХВАТ В ПЛЕН БАРОНА УНГЕРНА И ЛИКВИДАЦИЯ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ БАНД НА ЗАПАДЕ МОНГОЛИИ

После вступления Народного правительства в Ургу западная армия под командованием Чойбалсана и отряд Щетинкина были направлены на запад для ликвидации остатков унгерновских войск. В этой операции участвовали также 104-я и 10-я бригады 5-й Кубанской дивизии Красной Армии.

В хошуне Ахай-гуна, в местности Дух-Нарсу, советско-монгольским войскам удалось настигнуть объединенные отряды Унгерна и Резухина и окружить их. Бой продолжался несколько дней. На этот раз Унгерну удалось бежать. Воспользовавшись непогодой и темнотой, Унгерн через небольшой проход, образовавшийся в северо-западном крыле советско-монгольских войск, провел свой отряд на территорию Советской России.

Части Красной Армии продолжали преследовать Унгерна на советской территории, а отряды монгольской Народной армии занялись ликвидацией разрозненных белогвардейских частей в Западной Монголии.

Как затравленный зверь, Унгерн решился на последний отчаянный шаг — проник на советскую территорию и направился по долине реки Джиды к железнодорожной станции Мысовая, громя и сжигая встречающиеся на его пути села. Но дойти до Мысовой ему не удалось. В районе Гусиного озера его настигли отряд Щетинкина и 35-й кавалерийский полк Красной Армии. Улучив момент, барон с остатками своих войск вновь бежал в Монголию, но здесь его встретили монгольские партизаны. Сильно потрепанные, уставшие от частых стычек, поражений и отступлений, унгерновские войска выражали недовольство своими начальниками. Понимая бесплодность дальнейшей борьбы,

белогвардейцы поодиночке и группами убегали из отряда Унгерна, создавая небольшие разбойничьи шайки. Солдаты, ненавидевшие генерала Резухина за его страшную жестокость, убили его.

Командовавший монгольскими частями унгерновской армии Сундуй-гун, прекрасно понимая всю безнадежность дальнейшей борьбы и желая спасти свою шкуру, вместе с несколькими вестовыми выдал барона Унгерна Щетинкину.

Унгерна судил Чрезвычайный суд РСФСР; по приговору суда он был расстрелян в городе Новониколаевске (Новосибирск).

Так закончил свою подлую жизнь лифляндский барон, белогвардеец, жестокость и зверства которого надолго запомнились монгольскому народу.

Отряд Чойбалсана успешно ликвидировал остатки белогвардейских банд. В этом активно ему помогали араты. В Цэцэрлике, Таряты и во многих других местах для борьбы с белобандитами создавались аратские партизанские отряды. Части унгерновской армии, во главе которых стояли монгольские князья и ламы, добровольно переходили на сторону Народной армии. Так, к отряду Чойбалсана присоединились части Джалханза хутухты, Хатан-Батора Максаржаба и др.

Переход на сторону Народного правительства отряда Хатан-Батора, стоявшего в Улясутае, сыграл большую роль в ликвидации остатков белогвардейцев. Он отрезал Унгерна от белогвардейских отрядов, находившихся в Западной Монголии.

Вскоре были ликвидированы части генерала Бакича, а сам генерал взят в плен. Разбитые отряды Казагранди бежали в Китай.

На западе Монголии была повсеместно установлена народная власть.

• • •

Великая буря Октябрьской революции разбудила угнетенные народы всего мира, явилась ярким маяком, освещающим путь к свободной и счастливой жизни всем гонимым и эксплуатируемым, укрепила их мужество и боевую готовность, повела на борьбу за свободу и независимость.

«Именно потому, — говорит товарищ Сталин, — что национально-колониальные революции произошли у нас под руководством пролетариата и под знаменем интернационализма, именно поэтому народы-парии, народы-рабы **впервые** в истории человечества поднялись до положения народов, **действительно** свободных и **действительно** равных, заражая своим примером угнетённые народы всего мира»[1].

Монгольский народ поднял знамя освободительной борьбы, знамя народной революции и при братской помощи Советской России одержал победу. В 1921 г. вместе с монгольскими цириками за освобождение аратов Монголии от иностранных захватчиков, за их социальную и национальную независимость сражались русские пролетарии, бойцы могучей Красной Армии.

Плечом к плечу боролись бойцы Народной армии Монголии и Красной Армии, защищая неприкосновенность границ Монгольской республики от посягательств японских захватчиков у Халхин-гола в 1939 г.

Девятнадцать лет, опираясь на бескорыстную дружбу Советского Союза, свободно и радостно живет аратство Монголии.

Ломая старые, феодальные порядки, разоблачая всех и всяких врагов революции, Монгольская Народная Республика неуклонно идет вперед, минуя капиталистический путь развития, к светлому будущему — к социализму. Залогом этих побед является нерушимая, скрепленная кровью дружба монгольского народа с народами Советского Союза.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 243.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Н. И. Найденова*

Художник *Г. А. Кравцов*

Техн. редактор *Е. С. Герасимова*

Корректор *Е. А. Яковлева*

Сдано в производство 3/IX 1952 г.
Подписано к печати 1/X 1952 г.
А 06947. Бумага $82\times108^1/_{32}$
1,3 бум. л — 4,3 печ. л. в т/ч 1 вкл.
Уч.-издат. л. 3,5. Изд. № 6/1812.
Цена 1 р. 30 к. (по прейскуранту
1952 г.). Заказ 1546.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при
Совете Министров СССР.
Москва, Краснопролетарская, 16.

Отпечатано с набора
в 13-й типогр. Главполиграфиздата,
Москва, Гарднеровский пер., д. 1 а,
Заказ 1414